
ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЦАРСТВОВАНИЯ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА

Приезд гетмана Брюховецкого в Москву. - Представленные им статьи. - Гетман пожалован в бояре, старшина в дворяне. - Новый боярин сватается к московской боярышне. - Усобица между малороссиянами в Москве. - Дурные вести из Малороссии. - Дорошенко - преемник Тетери. - Он губит Опару и действует против полковников, преданных Москве. - Отчаянное письмо епископа Мефодия. - Возвращение Брюховецкого в Малороссию. - Неудовольствие духовенства по вопросу о митрополичьем избрании. - Союз духовенства с мещанами против гетмана и козаков. - Смута в Переяславле и Запорожье. - Поездка дьяка Фролова в Малороссию. - Неудовольствие козаков против гетмана-боярина. - Жалобы воеводы Шереметева на корыстолюбие Брюховецкого. - Сильное ожесточение духовенства против гетмана. - Бескорыстие киевского воеводы Шереметева. - Возмущение переяславских козаков. - Брюховецкий советует крутые меры. - Волнения в Запорожье. - Сношения Москвы с Польшею. - Записка Ордина-Нащокина о польском союзе и замечания на нее царя. - Съезды в Дуроричах. - Неуступчивость поляков и прекращение съездов. - Возмущение Любомирского заставляет поляков возобновить переговоры. - Андрусовские съезды. - Перемирие. - Причина уступчивости поляков относительно Киева. - Условия Андрусовского перемирия. - Польское посольство в Москве. - Переговоры об изгнанной из Украины шляхте и о союзе против турок и крымцев. - Значение Андрусовского перемирия. - Общий взгляд на состояние Малороссии

11 сентября 1665 года подъезжал к Москве небывалый гость, гетман запорожский с старшиною. На перестрел от Земляного города встретили его ясельничий Желябужский и дьяк Богданов; Брюховецкий сошел с лошади и, выслушав спрос о здоровье, дважды поклонился в землю; ему подвели царскую лошадь, серую немецкую, в серебряном вызолоченном наряде с изумрудами и бирюзью, чепрак турецкий, шит золотом золоченым по серебряной земле, седло - бархат золотный; Иван Мартынович сел на лошадь и въехал в Серпуховские ворота, имея Желябужского по правую и Богданова по левую руку; его поставили на посольском дворе. С гетманом приехали: переяславский протопоп Григорий Бутович, гетманский духовник монах Гедеон, гетманского куреня атаман Кузьма Филиппов, обозный генеральный Иван Цесарский, судья генеральный Петр Забела, два писаря генеральных - Степан Гречанин и Захар Шикеев, пять канцелярских писарей, писарского куреня атаман, два генеральных есаула - Василий Федяенко и Павел Константинов, переяславский посланец Андрей Романенко, посланцы разных полков, нежинский полковник Матвей Гвинтовка, лубенский Григорий Гамалея, киевский Василий Дворецкий, всего с прислугою 313 человек; на кушанье гетману определили выдавать

по рублю на день, да питья против посланников с прибавкою, другим ратным людям по пяти алтын; 670 лошадей, приведенных малороссиянами, пустили пастись в подмосковных лугах.

13 сентября гетман со всеми своими спутниками представлялся государю; прием был обычный посольский; все целовали государеву руку и спрошены были о здоровье; Брюховецкий представил подарки: пушку полковую медную, взятую у изменников-козаков, булаву серебряную изменника наказного гетмана Яненка, жеребца арабского, 40 волов чебанских. 15 сентября гости били челом, чтоб великий государь пожаловал их, велел малороссийские города со всеми принадлежащими к ним местами принять и с них денежные и всякие доходы собирать в свою государеву казну и послать в города своих воевод и ратных людей. Государь велел сказать гетману, чтоб он написал об этом статьи, и Брюховецкий подал на письме следующее: 1) Для усмирения частой шатости и для доказательства верности к государю всякие денежные и неденежные поборы от мещан и поселян погодно в казну государеву собираются; по всем городам малороссийским кабаки будут только на одну горелку, и приходы кабацкие отдаются в государеву казну; туда же идут сборы с мельниц, дань медовая и доходы с купцов чужеземных. 2) Стародавние права и вольности козацкие подтверждаются. 3) После избрания каждый гетман обязан ехать в Москву и здесь от самого царя будет принимать булаву и знамя большое. 4) Киевским митрополитом должен быть святитель русский из Москвы, 5-я статья определяет, по скольку в каких городах быть царского войска. 6) На войсковую артиллерию назначаются города Лохвицы и Ромен. 7) Московские ратные люди не должны сбывать по рынкам воровских денег. 8) Не должны называть козаков изменниками.

Статьи были приняты, кроме одной, четвертой, о митрополите: государь отвечал, что об ней он перешлется прежде с константинопольским патриархом. Но вообще усердием гетмана были очень довольны: царь велел его милостиво похвалить, а потом, поговоря с боярами, пожаловал ему боярство, остальная старшина - обозный, судья, полковники и есаулы - была пожалована в дворяне. Когда новый боярин, по обычаю, был приглашен к царскому столу, то получил третье место после бояр князя Никиты Ивановича Одоевского и Петра Михайловича Салтыкова; писался Брюховецкий с этих пор *боярин и гетман*. Боярин и гетман бил челом, чтоб великий государь умилосердился, ему, гетману, жене его и детям, когда бог их ему даст (Иван Мартынович был холост), пожаловал на прокормление в вечные времена сотню Шептоковскую в Стародубском полку с Шептоками и со всеми угодыми, чтоб ему, будущей жене его и детям особое прибежище и пропитание вечное было кроме Гадяча, ибо Гадяцкая волость принадлежит гетману только на время его гетманства, а не жене и детям его. Бил челом, чтоб государь изволил пожаловать грамоту на магдебургское право жителям Гадяча; всем полковникам пожаловал по селу, чтоб не отпускал приехавших в Москву войтов и мещан без грамот

государских, дабы чернь, увидевши милость царскую, утвердилась. Так как боярин и гетман имеет двор свой в Переяславле, как в стольном городе, то чтоб к двору этому приписана была мельница. Все просьбы были исполнены.

Что же это значило? Отчего Иван Мартынович так спешил подчиниться требованиям государства и в вопросе о митрополите даже ушел вперед, торопя государство? Поведение Брюховецкого объясняется вполне поведением его предшественника Выговского и поведением последующих гетманов. Мы видели, что немедленно за прекращением революционного брожения в Малороссии интересы гетмана разрознились с интересами козачества. Богдан Хмельницкий, как говорил Тетеря в Москве, боялся собирать раду, которая могла стеснить его произвол. Разрозненность интересов высказалась еще сильнее при Выговском. Выговский так же не хочет рады, как не хочет вмешательства Московского государства, не хочет воевод царского величества, ибо не хочет стеснений ни сверху, ни снизу. Для этого он хочет поддаться другому государству, которое, по своим формам, не может грозить ему такую строгою опекою, какую грозило сильное государство Московское, склоняется к Польше, хочет в ней получить вельможное значение и тем обеспечить себя в Малороссии, обеспечить себя относительно козачества; Выговский - сенатор, Выговский - *гетман русский*, а не *гетман Войска Запорожского*; Выговский не доверяет козакам, окружает себя иноземцами; Выговский требует стеснений для гультайства, требует точного реестра, как прежде требовали этого паны польские. Брюховецкий, вынесенный, по-видимому, войсковою массою и Запорожьем на гетманство, Брюховецкий - гетман, подобно Хмельницкому и Выговскому, не может долго сохранять единства интересов с козачеством; он понимает очень хорошо, что при тогдашнем быте Малороссии, при тогдашней разладице в ней для гетмана нет никакого обеспечения, и, не имея польских симпатий, как Выговский, стремится обеспечить себя с помощью Москвы, приобрести здесь вельможное положение, как Выговский хотел приобрести его в Польше, Мы видели, что и Выговский, прямо указывая на шаткость своего положения в Малороссии, прежде всего просил прочных маетностей в Литве, и очень быть может, что отказ ему в этой просьбе и стремление Москвы распутать отношения на ненавистной для гетмана раде всего сильнее побудили Выговского спешить отпадением. Теперь Брюховецкий спешит удовлетворить желаниям государства, чтоб обеспечить посредством него свое положение. Он достигает цели: он - боярин московский; но он бьет челом, чтоб государь пожаловал ему прочные, наследственные маетности поближе к Москве; для собственных выгод просит, чтоб в Киев был прислан митрополит-москвич, ибо хорошо знает, что при московских стремлениях его, *боярина и гетмана*, ему не ужиться с митрополитом-малороссиянином, который прежде всего будет хлопотать о независимости малороссийской церкви от Москвы. Брюховецкий и на этом не останавливается: он хочет еще теснее связать себя с Москвою, обеспечить себя здесь. 17 сентября Иван Мартынович завел разговор с

приставом своим Желябужским: "Бил я челом боярину Петру Михайловичу Салтыкову, чтоб великому государю челобитье мое донес: пожаловал бы меня великий государь, велел жениться на московской девке, пожаловал бы государь, не отпускал меня не женья". "Есть ли у тебя на примете невеста? - спросил у него пристав. - И какую невесту тебе надобно, девку или вдову?" "На примете у меня невесты нет, - отвечал гетман, - а на вдове у меня мысли нет жениться; пожаловал бы меня великий государь, указал, где жениться на девке. А женьясь, стану я бить челом государю, чтоб пожаловал меня вечными вотчинами подле Новгорода-Северского, чтоб тут жене моей жить и по смерти бы моей эти вотчины жене и детям моим были прочны". *Желябужский*: "Когда будет у тебя жена и станет в тех местах жить, то и ты будешь жить тут же; а когда Войску доведется быть в собранье, то где собираться? да и без сбора постоянно при тебе надобно быть многим людям для гетманства твоего". *Брюховецкий*: "Войску собираться в Гадяче или в ином месте, где будет пристойно по вестям, а я стану к Войску приходить; при мне будет постоянно человек по триста, у меня таких людей, которые мне верны, есть человек со сто, да великий государь пожаловал бы, велел из московских людей ко мне прибавить; а без таких людей мне никакими мерами быть нельзя в шаткое время: меня уж раз хотели погубить, да сведал вовремя". Этими словами Брюховецкий окончательно объяснил свое поведение. Желябужский переменял разговор и спросил: "Крымские люди к полякам теперь на помощь ходят ли? и за что крымцы полякам помогают?" *Брюховецкий*: "Крымцу поляки казну дают, а потом и сами крымцы берут у них и полон и что им надобно". *Желябужский*: "Как бы сделать, чтоб крымского от поляков отвести?" *Брюховецкий*: "Ненавидят крымцы то, что Запорожское Войско под государевою рукою, и боятся: как мир будет у государя с королем польским, а Запорожское Войско останется под государевою рукою, то Крыму будет жить тесно. Хочу бить челом государю, чтоб пленным ляхам у нас не быть, ссылать их куда-нибудь в дальние места для того, что всякие вести носят от них в Польшу; также бы великий государь и на Москве и в городах полякам быть не указал, потому что от них идут всякие вести в Польшу". Великий государь пожаловал боярина и гетмана, велел ему жениться на дочери окольного князя Дмитрия Алексеевича Долгорукого. Жених обратился к Желябужскому с новыми вопросами: "С князем Долгоруким самому мне договариваться о женитьбе или послать кого-нибудь? По рукам бить самому ли и где мне с князем видеться? От кого невесту из дому брать, кто станет выдавать и на который двор ее привести? На свадьбе у меня кому в каком чине быть, а я был надежен, что в посаженных отцах или в тысяцких будет боярин Петр Михайлович Салтыков, и о том уже я бил ему челом. Да в каком платье мне жениться, в служивом ли или в чиновном московском? А по рукам ударя, до свадьбы к невесте с чем посылать ли, потому что по нашему обыкновению до свадьбы посылают к невесте серьги, платье, чулки и башмаки. Великий государь пожаловал бы меня, велел мне об этом указ свой учинить". Этот указ не дошел до нас.

Не все такими нежными делами занимался в Москве боярин и гетман, 11 декабря в дом к начальнику Малороссийского приказа боярину Салтыкову вдруг приходят переяславский протопоп Григорий Бутович, войсковой судья Петр Забела, писарь, есаул, двое полковников, киевский и нежинский, и начинают жаловаться со слезами: "Вчера обедали мы с боярином и гетманом Иваном Мартыновичем у боярина князя Юрия Алексеевича Долгорукого, и писарь Захар меня, протопопа Григория, лаял, называл брехом и замахивался ножом, хотел резать; я у него ножик отнял, так он стал замахиваться вилками, хотел меня колоть". "А нас, - кричали судья и полковники, - Захар также лаял позорными словами; мы терпеть ему не будем; если он так делает над нами теперь здесь, в Москве, то какого добра ждать нам от него вперед?" В тот же день вечером приехал к Салтыкову сам боярин и гетман с старшиною и били челом царю на писаря Захара Шикеева, чтоб великий государь велел им указ свой учинить, войсковой есаул Богдан Щербак бил челом от всего Войска Запорожского, которое в Москве, что им, Войску Запорожскому, от писаря Захара Шикеева чинятся многие налоги и тягости, становится он, Захар, пышнее боярина и гетмана, бьет и увечит многих людей невинно, в Войске он им Захар не надобен и ни в каком чину не годен. На другой день в приказе была очная ставка у Щербака с Шикеевым: Щербак говорил прежде, что "Шикеев им в Войске не годен, потому что чинит налоги многим людям и бесчестит, а иных бьет безвинно, начал быть пышен и неприступен: не только кто с своим делом к нему придет, но если кто и от гетмана придет, то он говорить с собою не велит, и никто с ним говорить не смеет до тех пор, пока сам не спросит, и отказывает всякому человеку пышно и сердито. Пожаловал великий государь гетману и Войску Запорожскому подводы, и подорожная из приказа прислана; вот гетман с этою подорожною и послал меня в канцелярию к нему, Захару, а он как начал на меня фукать и отослал меня с бесчестьем, ни с каким делом к нему прийти нельзя, всех бесчестит пыхами своими!". Шикеева отправили в ссылку из Москвы.

Иван Мартынович загостился в Москве до конца декабря; а между тем еще с сентября начали приходить из Малороссии дурные вести и требования скорого возвращения гетмана. После отъезда Тетери в Польшу на западном берегу Днепра выдвигается на первый план уже известный нам Петр Дорошенко. Опасения Тетери сбылись: видя, что ни Москва, ни поляки не могут взять решительного верха на Украине, которая опустошается вконец и союзниками и врагами, Дорошенко решился поддаться туркам, чтоб с их помощью вытеснить из Украины и Москву и поляков и быть единственным гетманом на обоих берегах. Сначала он хотел посредством Крыма получить облегчение от польских насилий. Еще в январе 1665 года он послал к хану бить челом о заступлении перед королем, чтоб хоругви жолнерские на Украине становищ не имели, хоть на время дать бы льготу истощенной и убогой стране; чтоб гарнизоны королевские из украинских городов, например из Чигирина, были выведены и там, где останутся, довольствовались бы своим прокормом, не отягощая жителей; чтоб

возвратил заточенных: митрополита, Хмельницкого и Гуляницкого. Но челобитье это осталось без действия. В августе Дорошенку удалось избавиться от соперника своего, Опары, который также хотел отложиться от короля с помощью татар. Дорошенко успел уверить татарских мурз, стоявших в Украине, что Опара ненадежен. 18 августа Опара со всею старшиною поехал из своего табора на совет к мурзам, но, еще далеко не доезжая до их наметов, он был встречен толпою татар, которые его ограбили и в одной рубашке привели к мурзам, а те надели ему цепь на шею и железа на ноги; все татары начали на него плевать и браниться, бросили ему в глаза письмо, которое он посылал к браславскому полковнику, уговаривая его вместе с собою воевать против короля. "Ты королю и нам присягал, - кричали татары, - а теперь хочешь воевать!" Овладевши Опарою и старшинами, татары двинулись на козацкий табор; козаки отстреливались целый день и к ночи заставили татар отступить. На рассвете другого дня татары снова налегли, опять ничего не успели и вступили в переговоры с козаками: "Если возьмете в гетманы Дорошенка, которого поставили мурзы, то не станем вас добывать, если же не возьмете, то сейчас пошлем за ляхами и будем вас добывать". Козаки, делать нечего, согласились; приехал Дорошенко и начал приводить их к присяге королю и хану, Опару же и всех его советников повели в Крым. Дорошенко вместе с татарами начал наступательное движение на браславского полковника Дрозда, верного Москве. Дорошенко уже отнял было воду у браславцев, но 22 сентября Дрозд сделал вылазку на неприятельские шанцы, побил всех находившихся там ратных людей Дорошенка, взял 8 знамен и дал возможность браславцам добывать воду. Овруцкий полковник Демьян Васильевич Децик разбил неприятелей между Мотовиловою и Паволочью; западные черкасы вздумали было явиться и на восточной стороне, но были побиты. Наказный гетман, переяславский полковник Ермоленко, извещая об этом царя, так оканчивал свою грамоту: "Пожалуй нас, холопей своих, отпусти к нам поскорей Ивана Мартыновича Брюховецкого гетмана, ибо мы без него, как дети без отца: а как скоро он к нам придет, то весь народ христианский повеселеет и города малороссийские не будут в сомнении". Епископ Мефодий писал Брюховецкому из Нежина: "Теперь на Украине без вашей милости ничего доброго нет, всяк в свой нос дует. Если б боярин Петр Васильевич Шереметев поспешил в Киев, то все б помирнее было и тому бы бедному Дрозду, который в осаде 6 недель сидит, крепости прибыло; благодаря Дрозду на восточной стороне Днепра еще тихо от татар, а, сохрани боже, что с ним станется, тогда все силы бусурманские обратятся сюда. Доложи великому государю чрез боярина Петра Михайловича Салтыкова о великой обиде, которую делают начальные люди, полковники-немцы, их ротмистры и капитаны, немцы и ляхи, бедным людям в Котельве. И я в Котельве их тазал, и боярин Шереметев посылал к воеводе Протасьеву в Гадяч, чтоб наказал их; но тот ничего не может им сделать: жен от мужей поотнимали и вдов опозорили; бога ради, надобно это утолить, чтоб не было беды какой". Дрозд продолжал держаться в Браславле и отбил сильный приступ,

неприятелей, как псов, набил и знамена все отнял. Таковы были вести в октябре; в ноябре пришли другие: Дрозд сдался от великой нужды; Децик покинул Мотовиловку и отступил к Киеву и оттуда поехал в Переяславль к наказному гетману; часть войска его разбрелась, другая перешла на восточную сторону, а на западной из верных козаков не осталось никого, кроме тех, которые были в Каневе. Децик покинул Мотовиловку, не выжегши ее; этим воспользовался королевский белоцерковский комендант и королевские черкасы, Малюта с товарищами, стали накликать в нее старых жителей и из других мест; чтоб укрепить ее по-прежнему, обещали прислать туда и немецкую пехоту. Это начало грозить большою опасностью Киеву, от которого Мотовиловка была только в 35 верстах и которому от нее и прежде не было покоя, когда она была за поляками. Чтоб предупредить беду, киевский воевода князь Никита Львов послал под Мотовиловку рейтарского майора Синягина. В полночь Сипягин подошел к городу, велел своим ратным людям перелезть через стену и отбить ворота; жители услышали, начали стрелять, но рейтары всех их побили и выжгли город. Малюта в эту ночь ночевал в местечке Василькове, маетности Печерского монастыря; Синягин направился на Васильков, чтоб захватить Малюту, но печерские чернецы дали ему возможность уйти до прихода Синягина. В декабре епископ Мефодий начал говорить Львову, что в местечке Бышевке и других ближних местечках польские залогии (гарнизоны) небольшие и ездят из местечка в местечко без опасения, поэтому надобно послать на них ратных людей для поимки языков. Львов и отправил 18 декабря подполковника Якшина с отрядом из 120 человек. Якшин ночью захватил языков в Бышевке; но за 15 верст от Киева нагнал его из Белой Церкви майор с немцами, татарами и черкасами, разбил наголову и взял знамена. Мефодий, приехав в Киев, писал оттуда отчаянное письмо к Ракушке, казначею, или подскарбию, войсковому: "Пишу эту грамоту, слезами поливаючи; в Киеве ничего доброго не делается, потому что воевода нынешний - человек ни к чему не пригодный; во-первых, человек старый, к ратному делу неспособный; во-вторых, болен ногами и через порог избы не переступит; кроме слез, худобы и воровства, в Киеве ничего не сыщешь; если не поспешит боярин Шереметев или замедлит гетман на Москве, то будет беда с Киевом и с нашим Заднеприем. Ради бога, пиши к гетману, чтоб бил челом о скором отпуске и спешил сюда, потому что без головы составы все мертвы; пиши и к наказному, чтоб по крайней мере Канева не потеряли".

Наконец возвратился отец к детям, приехал боярин и гетман Иван Мартынович Брюховецкий в Малороссию, и первому нерадостен был его приезд тому, кто так сильно желал его, - епископу Мефодию. 22 февраля 1666 года в Киеве к боярину Петру Васильевичу Шереметеву, сменившему старика Львова, приехал Мефодий вместе с печерским архимандритом, игуменами других монастырей, и начали странную речь, просили, чтоб позволено им было послать челобитчика к государю, пожаловал бы великий государь, не велел у них отнимать прав и вольностей. "Каких прав и вольностей, - спросил воевода, - великий государь не только у вас,

властей духовных, но и у мещан во всех городах малороссийских прав и вольностей отнимать не велел. Всем даны жалованные грамоты, которые по сей день ни в чем не нарушены; от кого вы узнали, будто великий государь велел у вас вольности и права отнять?" Мефодий отвечал: "Посылали мы к боярину и гетману Ивану Мартыновичу Брюховецкому, по стародавнему обычаю, по которому киевских митрополитов выбирали всегда с ведома гетманского, посылали мы к Ивану Мартыновичу просить, чтоб отписал к великому государю о позволении нам выбрать в Киев митрополита между собою по прежним обычаям и правам. А боярин и гетман прислал к нам грамоту, в которой пишет, что указал великий государь быть в Киеве митрополиту из Москвы, а не по нашему выбору, тогда как мы под благословением цареградского патриарха, а не московского". Епископ с товарищами разгорячился все больше и больше, наконец закричал с сильною яростию: "Если будет на то великого государя изволение, что отнять у нас эти вольности и права и быть у нас митрополиту из Москвы, а не по нашему выбору, то пусть великий государь велит всех нас казнить, а мы на это не согласимся. Если приедет к нам в Киев московский митрополит, то мы запремся в монастырях, и разве нас из монастырей за шею и за ноги поволокут, тогда только московский митрополит в Киеве будет. В Смоленске теперь Филарет архиепископ, и он права и вольности у духовного чина все отнял, духовный чин, шляхту и мещан всех называет иноверцами, а мы православные христиане; и если в Киеве впредь будет митрополит из Москвы, то он и нас всех, малороссиян, станет называть иноверцами, тут в вере раскол и мятеж будет немалый, и нам лучше смерть принять, нежели митрополита из Москвы. Мнится нам, что и к тебе, боярину, указ об этом тайный есть, и в статьях, которые полковник Дворецкий из Москвы привез, то же написано". "Такого указа ко мне не бывало, - отвечал Шереметев, - а что вы говорите о статьях, которые привез Дворецкий, то там написано, что великий государь изволит писать об этом к цареградскому патриарху; да и гетман ко мне об этом не писал; это какой-нибудь вор распустил слух, чтоб поссорить вас с гетманом. Вы говорите, что запретесь в монастырях от московского митрополита; это слова непристойные: как вам быть противными воле божией, указу государеву и благословию цареградского патриарха? Ты, епископ, поставлен в Московском государстве митрополитом Питиримом, и тебе под благословением московского патриарха быть можно, только как о том отпишут к великому государю вселенские патриархи. Если цареградский патриарх к великому государю отпишет и благословение подаст избранному вами, то великий государь изволит избранника вашего поставить в царствующем граде Москве перед своими государскими очами всем властям". "Если даже великий государь, - говорил Мефодий, - изволит быть нашему митрополиту под благословением московского патриарха, то пожаловал бы, отписал об этом к цареградскому патриарху, а митрополиту киевскому быть бы по нашему избранию, чтоб наши стародавние права и вольности нарушены не были; а теперь бы великий государь пожаловал, велел у нас в Киеве принять об этом челобитную и челобитчиков отпустить

в Москву". "Челобитной вашей, - отвечал боярин, - принять мне непристойно, потому что это дело ваше, духовное, а челобитчиков в Москву отпустить можно".

На другой день, 23 февраля, боярин виделся с архиепископом в Софийском монастыре, и Мефодий стал просить извинения за вчерашние речи: "Я эти слова говорил поневоле, потому что я поставлен московским митрополитом, и вот малороссийских городов духовные люди все говорят и поносят мне и думают, что я сделал это по совету с гетманом, чтоб им быть под благословением московского патриарха". Мефодий прислал к Шереметеву и ответную грамоту гетманскую, в которой Брюховецкий писал: "Когда мы были в Москве, то нам припоминали статьи Богдана Хмельницкого, чтоб митрополит киевский поставлялся патриархом московским, и мы все, бывшие в Москве, руки свои на том приложили, и государь отправил послов к святейшим патриархам; мы будем дожидаться возвращения этих послов". В марте 1666 года послом от Мефодия и всего духовенства приехал в Москву киевского Кириллова монастыря игумен Мелетий Дзык бить челом о позволении избрать митрополита по старине, да чтоб на выборе был гетман и киевский воевода Шереметев. Царь отвечал, что послано об этом к константинопольскому патриарху и чтоб Мефодий ехал в Москву для исправления всяких духовных дел.

Между тем Шереметев писал в Москву и о поведении нового боярина: "Теперь епископ, архимандрит печерский и всех малороссийских монастырей архимандриты и игумены и приходские попы с мещанами в большом совете и соединении, а с гетманом, полковниками и козаками совету у них мало за то, что гетман во всех городах многие монастырские маетности, также и мещанские мельницы отнимает; да он же, гетман, со всех малороссийских городов, которыми великому государю челом ударил, с мещан берет хлеб и стацию большую грабежом, а с иных за правежом. Шереметев посылал спрашивать у гетмана, по его ли приказанию стацию со всех городов берут? Брюховецкий отвечал, что без его ведома, и тотчас же во все малороссийские города послал грамоты с большим подкреплением, чтоб нигде на него стации не собирали, а давали бы стацию в казну государеву".

Боярин и гетман Иван Мартынович извещал с своей стороны, что незадолго перед его приездом в Малороссию чуть было не сделалась беда в Переяславле: тамошний житель Петрушка Скок Челюсткин, состарившийся в Переяславле русский человек, составил заговор перебить всех московских ратных людей. Но наказный гетман Ермоленко узнал о заговоре и донес Брюховецкому, который велел сковать Челюстклина и отослать в Москву. Появились своевольные сборища, которые отказались повиноваться полковникам и сотникам, покинули свои дома и начали бродить по разным городкам и деревням и бедным людям досады чинить; начальники таких сборищ были известные нам Иван Донец и Децик. Гетман успел разогнать эти сборища. Касательно новых распоряжений,

договоренных в Москве о сдаче малороссийских городов царским воеводам, Брюховецкий писал: "Я, верный холоп, рад вседушно тому указу исполнение чинить; но боюсь одного, чтоб полковники, вся старшина и козаки не встревожились и не взяли дурного замысла. Сам же я вседушно рад воеводам, потому что при них мне будет меньше хлопот, а то теперь на все стороны оглядываюсь". Брюховецкий писал также, что епископ, духовенство и киевский полковник Дворецкий просят о заведении новых латинских школ в Киеве, но что он, гетман, полагает это на волю великого государя. Доносил, что сын епископа Мефодия женился на дубичевке, у которой два родных брата служат при короле. Писал о дурных вестях из Запорожья: дает знать оттуда Григорий Касогов, что запорожцы хотят государю изменить, к бусурманам и к изменникам-черкасам приклониться; но он, гетман, послал уговаривать их; спрашивал, посылать ли в Запорожье хлебные запасы или нет?

С ответами на эти донесения и для обстоятельного разузнания дел в марте 1666 года отправился в Малороссию дьяк Фролов. Посланный должен был похвалить боярина и гетмана за его раденье и отвечать на статью о школах в Киеве: если им против их вольностей будет не в оскорбление, то школ бы теперь не заводить; если же этот запрет оскорбит их, как противный их вольностям, то великий государь пожаловал, велел им в Киеве школы заводить и людей в них набрать из киевских жителей, а из неприятельских и других городов в школы никого не пускать и не учить, чтоб от них смуты и всякого дурна не было. Фролов должен был также сказать: какие люди сидят у гетмана за караулом в своих винах, тех бы он судил и карал по войсковым правам; а если из них кому-нибудь по войсковым правам будет свобода, а он боится от них вперед чего-нибудь дурного, таких присылать в Москву. Хлебные запасы в Запорожье, Киев и другие города посылать как прежде уговорено, пока описчики города опишут и по описи воеводы примут.

Фролов привез из Малороссии много разных вестей. Иван Мартынович на отпуске говорил ему тайно, что в Переяславле своевольники, не желая работать и хлеб пахать, замышляют смуту. Фролов немедленно послал к переяславскому воеводе Вердеревскому спросить, что у них там такое делается? Воевода отвечал: "Гетман великому государю верен и служит вправду; только дивлюсь я тому, для чего переписчики замешкались? Если полгода не будут, и то гетману большая корысть: о чем в Переяславль на ратушу ни отпишет, все к нему посылают. Козаки гетмана все не любят, говорят: при наших предках у нас бояр не бывало, он заводит новый образец, вольности наши от нас все отходят, да и доступ к нему стал тяжел. Полковник переяславский Данила Ермоленко говорил у меня на обеде при головах стрелецких и при многих начальных людях: "Мне дворянство не надобно, я по-старому козак!" И ко всякому слову, за что осердится, говорит: "Козаки заведут гиль и вас поколют". Полковнику, атаману и судье идет из ратуши с города всякий день вино, пиво, мед и харч всякий. А что ему, полковнику, пожаловал государь город, то он говорит: "Этот

город украинный, разорен весь, стоят в нем беспрестанно козаки иных полков и кормятся по тем же жилецким людям, и мне взять с него нечего, да и не надобно, потому что и при предках наших так не повелось". Козаки в городе говорят: "Пойдем в Запороги, и не одни мы, соберемся вместе с переяславцами и из других местечек и пойдем из Запорог на гетмана". Государевых людей, которые живут в Переяславле, зовут злодеями и жидами". Фролов обо всем этом дал знать Брюховецкому, тот отвечал, что козаки поднимают такие голоса, видя везде в городах при воеводах малолюдство: надобно, чтоб великий государь указал в малороссийских городах ратных людей прибавить.

Мы видели, что Шереметев писал к гетману насчет поборов с городов. Брюховецкий обиделся и говорил Фролову: "Дело известное, что боярин Петр Васильевич написал ко мне об этом по чьей-нибудь ссоре: боярин ссоре не верил бы и уха своего на ссору не склонял; я в доходы вступаться никогда ни в какие не буду и с боярином хочу жить в любви и в приязни, готов, пожалуй, и слушать его; только служба великому государю, даю знать свою мысль, чтоб малороссийского народа своевольных и непостоянных людей большими поборами вскоре не ожесточить; пока не попривыкнут и пока государевы воеводы и люди не возьмут их в свои руки, брать с них понемногу; а вдруг ожесточить опасно: люди они худоумные и непостоянные; один какой-нибудь плевосеятель возмутит многими тысячами; хотя они и сами сгинут, а до лиха дойдет, успокаивать будет трудно, а неприятель под боком; стоят неприятеля и запорожцы, только и думают, как бы добрых людей разорять и, пограбив чужое имение, всякому старшинству доступить; а на Запорожье теперь больше заднепряны. Да и духовенству не всякому бы верить; горазды и они ссорить и возмущать от латинской своей науки, на кого нелюбье положат".

Приехал Фролов в Киев. Тут начал Шереметев говорить свои речи: "Гетман Иван Мартынович очень корыстолюбив. Я было велел в Переяславле греку Ивану Тамару собирать с перевозу и с проезжих людей пошлину на великого государя против обычаев прошлых лет, как он, Иван, собирал на гетманов. Но грек Иван недавно приехал в Киев и говорит мне тайно, со слезами, что собрал он в Переяславле таких пошлинных денег с 500 рублей, а гетман присылает с угрозами, велит привезти к себе в Гадяч 1000 рублей пошлинных денег, и грек, занявши, везет, а не везть не смеет, чтоб без головы не быть". Шереметев, епископ Мефодий и полковник Дворецкий толковали Фролову одно: чтоб переписчики спешили, а мещане этому все рады и доходы в казну государеву платить будут без отговорки, только б козацкой старшине и козакам до них дела не было; а если переписчики к первому сентября людей и угодий переписать не поспешат, то, как только Семен день придет, и гетман, и полковники, и старшина поборы все отберут на себя, а великому государю оставят мещан на целый год нагих и ограбленных.

3 мая в Печерском монастыре был обед, обедали Фролов, епископ Мефодий, печерский архимандрит, много других духовных, полковник Дворецкий. После обеда, вставши из-за трапезы, взяли Фролова в архимандричью келью и пили здоровье бояр и окольников. Фролов заметил, что надобно выпить и здоровье гетмана Ивана Мартыновича, который великому государю службою своею во всем верен, с духовными во всяком совете и любви пребывает и Войску Запорожскому и всему малороссийскому народу добронравием своим и правым рассуждением угоден. "Он нам злодей, а не доброхот, - крикнуло в ответ духовенство, - бывши на Москве, он великому государю бил челом и в статьях подал, чтоб в Киеве быть московскому митрополиту, и этим он нас ставит перед великим государем как бы неверными". Епископ и некоторые другие из духовных решительно отказались пить, другие пили, но несогласно, как бы только поустыдяться. Фролов разведал, что статьи, в которых написано, чтоб в Киеве быть московскому митрополиту, прежде всех объявил в Киеве полковник Дворецкий, отчего у духовенства встало нелюбие к гетману; Дворецкий пристал к духовенству. Узнав об этом, Брюховецкий два раза присылал за Дворецким, хотел послать его в Запорожье отговаривать от шатости тамошних козаков, хотел послать его за тем, чтоб там его убили или расстреляли. Полковник испугался и стал бить челом, чтоб ему с Киевским полком быть под начальством боярина Шереметева. Последний спрашивал: если гетман пришлет в третий раз за Дворецким, то отдавать ли его? Сильнее всех продолжал высказываться против Брюховецкого старый друг его епископ Мефодий. "Брюховецкий нам не надобен, - говорил он при всех вслух, - он теперь принял всю власть на себя; не только нас пред царским величеством неверными выставляет, но и старшину карает, в колодки сажает и в Москву отсылает, новых полковников от себя по полкам рассылает без войскового приговора; Юрий Незамай, Гамалея, Высочан и другие старшины ни в чем не виноваты, страдают от него напрасно, а здешним людям и смерть не так страшна, как отсылка в Москву; думаю, что иные и из заднепровской старшины поддались бы государю, да боятся погибнуть от гетмана; печерский архимандрит говорил, что гетманского войска козаки разоряют их монастырские маетности между Киевом и Белою Церковию; писали они к гетману, и он их не защищает".

Дворецкий выставлял себя умеренным, желал примирения: "Епископ Мефодий, все духовенство и я гетману не злодеи и не посягатели; мы только отводим его, чтоб до корыстей был не лаком и гордость отложил; хочется нам того, чтоб он приехал в Киев к боярину Петру Васильевичу Шереметеву, мы бы, облича его в неправдах, с ним помирились и были в вечной любви. Епископ Мефодий посылал в Чигирин уговаривать тамошних людей, чтоб великому государю вины свои принесли: чигиринские жители к тому склонны, и Дорошенко говорил, что он тому рад, да боится гетмана, сделает его без головы или в Москву отошлет, пусть епископ, боярин и гетман обнадежат его грамотами, что ему лиха не будет, тогда он и станет промышлять над ляхами". Мефодий, кроме

несчастливого пункта о митрополите, показывал по-прежнему усердие к Москве и, подобно Ивану Мартыновичу, не щадил своих; советовал также, чтоб во всех малороссийских городах воеводы и ратные люди жили особо в городках так, как в Нежине, потому что малороссийского народа люди ко всему шатки, - сохрани боже, чтоб кто-нибудь чего не начал: а прежде всего надобно это сделать в Полтаве, там люди больше всех шатки, к Запорожью близки и с запорожцами в мыслях бывают согласны, живут советно, что муж с женою. Шереметев свидетельствовал пред государем, что он от епископа никакого злого умысла и плевел не видал; но вопреки словам Дворецкого доносил о невозможности помирить Мефодия с Брюховецким и приводил в доказательство следующий случай: "Я говорил епископу, чтоб послать в Запорожье какого-нибудь верного человека с увещательною грамотою и для проведывания вестей; а Мефодий отвечал мне: это дело самое надобное, только в грамоте надобно спросить: отчего у них, запорожских козаков, делается шатость, не от бояр ли от кого? Я ему сказал на это, что так написать не годится: из этого я заключаю, что между ними и вперед совета не будет; только я о гетманских грамотах епископу, а об епископских словах гетману не даю знать, чтоб между ними ссоры не было, а ссора опасна, потому что к епископу и духовенству пристали мещане всех городов: так чтоб от их ссоры делу великого государя порухи не было". От самого Шереметева, по рассказам Фролова, не могло быть порухи государеву делу, как была поруха от боярина и гетмана. В Киеве, на Подоле, поставлены были рейтары и на мещанских дворах, потому что в верхнем городе поставить их было негде. Мещане много раз били челом, что от рейтар теснота большая и чтоб великий государь пожаловал, велел рейтар от них свести. О том же просил воеводу и Мефодий. Шереметев отвечал, что перевести рейтар в верхний город скоро никак нельзя, потому что там дворов и изб мало, а взять изб негде, потому что около Киева все разорено; если мещане хотят, чтоб от них рейтар вывели, то пусть дадут от себя 30 изб и переведут в них рейтар. 4 мая епископ является к Шереметеву и приносит ему в почесть 100 рублей, чтоб рейтар от мещан велел вывести, изб на них не спрашивал, а велел бы избы купить из государевой казны. Боярин отвечал: "Я денег не возьму, а пусть мещане отдадут их на избы рейтарские". На другой день в соборной церкви епископ стал говорить боярину, чтоб он сто рублей себе в почесть взял, а на избы взял еще 100 рублей, мещане этим не оскорбятся, только бы рейтар от них велел вывести. Шереметев велел взять у мещан все 200 рублей и купить на них избы и, как избы поставят, перевести в них рейтар тотчас.

Фролов привез и грамоты: Брюховецкий жаловался, по обычаю, что московского войска мало в Малороссии: "При мне, вашего царского величества верном холопе, войска очень мало, едва не все ваши государевы ратные люди от наготы разбрелись. Воеводы вашего царского величества - миргородский, лубенский и прилуцкий - без семей на воеводства свои приехали, а хорошо бы им было приехать с семьями и со всем своим хозяйством, чтоб тамошние жители, видя воевод своих целое житье, от того лучше крепились и в отчаяние не приходили". Гетман жаловался на

воеводу Протасьева, который не унимал иноземных ратников, притеснявших малороссиян; жаловался, что стольник Измайлов, присланный для сыску обид, ничего не делает. Жаловался на переяславского воеводу Вердеревского, который зятя его, Михеенка, велел бить и в тюрьму сажать безвинно, человеку гетманскому сена косить не дает. "Все это он делает, - писал Брюховецкий, - по наущению Ивашки Фирсова, который за тем в Переяславле и живет, чтоб ссорить меня с воеводою. Вердеревский же всякому козаку налогу чинит, не выслушав речей; козаки многие ропщут, говорят, что все это делается по моей милости". Полтавские козаки жаловались на своего воеводу Якова Тимофеевича Хитрово: "Велит москалям коней остальных брать в подводы по домам; сам стоит в доме у вдовы; начальных своих людей ставит по домам знатного товарищества; полковника, которого мы почитаем как отца, бранит скверными словами; который товарищ придет к нему - глаза тростью выбивает, плюет или денщикам велит выпихнуть в шею. Почтительнее обходится с наложницами майоров своих или солдат, чем с женою полковника нашего, об наших же женах и детях говорить нечего, какие позоры терпят. Не велит у мещан подвод брать, а только у козаков".

Епископ Мефодий больше всего опасался полтавцев, живших с запорожцами, как муж с женою; но бунт вспыхнул не в Полтаве, а в Переяславле. В июле месяце, когда полковник переяславский Ермоленко стоял с полком своим в Багушковой слободке, козаки его возмутились, убили полковника и отправились под Переяславль, здесь побили московских ратных людей и выжгли большой город; в то же время в Москву дали знать о шатости козаков в Каневе. Шереметев и Брюховецкий немедленно приняли решительные меры: с двух сторон, из Киева и Гадяча, двинулись войска к Переяславлю, и здесь бунт был задавлен; но некоторые городки на восточной стороне Днепра поддались полякам. В Москве распорядились так, чтоб перехватанные заводчики переяславского бунта были казнены в один день, в Гадяче у Брюховецкого и в Киеве у Шереметева. С известием об этом распоряжении в августе отправился в Малороссию Иона Леонтьев, который должен был также сказать гетману, что для предупреждения козацких бунтов не лучше ли козакам в Переяславле не жить, жить им за городом в слободах, в большом городе жить мещанам, а в меньшем - государевым людям. "Конечно, это будет лучше и крепче, - отвечал Брюховецкий, - но теперь сейчас же этого сделать нельзя, чтоб другие города, на то глядя, не взбудоражились". Потом Леонтьев спрашивал у гетмана: "Чем успокоить шатость в тех городах, которые приняли к себе поляков?" "На это одно средство, - отвечал Брюховецкий, - когда эти города будут взяты государевыми ратными людьми, то надобно все их высечь и выжечь и всячески разорить, также и села около них, чтоб вперед в этих городах и селах жителей не было". Иван Мартынович был большой охотник сечь и жечь; козаки про него говорили: "Что это за гетман? Запершись сидит в городе как в лукошке; шел бы лучше с войском и промышлял над государевыми неприятелями, а то только и знает, что ведьм жжет". Из Гадяча Леонтьев

отправился в Киев, и здесь боярин Шереметев говорил ему: "Теперь во всех малороссийских городах козаки на мещан злятся за то, что мещане по окладам всякие подати в государеву казну хотят давать с радостью, а козацких старшин и козаков ни в чем не слушают и податей давать им не хотят, говорят им: "Теперь нас бог от вас освободил, вперед вы не будете грабить и домов наших разорять"". Об отношениях епископа Мефодия к гетману Шереметев говорил прежде: "У епископа с гетманом совет худой, не знаю, кто их ссорит. Верен государю епископ черниговский Лазарь Баранович; как великому государю угодно, а мне кажется, что лучше всего быть ему в Киеве на епископстве; московскому же митрополиту быть в Киеве никаким образом нельзя; печерский архимандрит говорит: "Если услышим, что едет в Киев из Москвы митрополит, то я, собрав старцев, запрусь в монастыре, и вы нас доставайте"". Шереметев извещал, что мещане радуются новому порядку, радуются освобождению своему от козаков; и из слов Брюховецкого можно было заключить, что положение мещан улучшилось, ибо козаки начали записываться в мещане. "Многие козаки, - говорил гетман царскому посланцу в ноябре, - пишутся в мещане, а я тому и рад, думаю, что в несколько лет сделаю всех козаков мещанами: так и шатости не будет".

Но понятно, что козаки не могли хладнокровно смотреть на приближение такого порядка вещей, особенно не могли хладнокровно смотреть на это в гнезде козачества, в Запорожье. Еще 5 февраля 1666 года Касогов доносил, что с ним в Запорожье осталось войска только человек с 500, и у тех нет запасов. "Запорожцы, - писал воевода, - царских ратных людей не любят и говорят, будто по их милости не стало Войску добычи, хотят мириться с татарами и Дорошенком; а всему заводчик Кирилла Кодацкий и другие его товарищи, козаки той стороны Днепра. Кошевой Леско Шкура, видя это, хотел сложить с себя атаманство; козаки упросили его остаться, но замыслов своих не покинули". Шкура недолго пробыл кошевым: враждебные Москве козаки взяли верх, свергли его за то, что знался с московскими воеводами, Хитрово и Касоговым, да не дал козакам громить калмыков. Выбрали в кошевые Рога, который написал такую грамоту Брюховецкому: "Послышали мы, что Москва будет на Кодаке; но ее там не надобно. Дурно делаешь, что начинаешь с нами ссориться; оружие не поможет в поле, если дома не будет совета. Хотя ты от царского величества честию пожалован, но достоинство свое получил от Войска Запорожского, Войско же не знает, что такое боярин, знает только гетмана. Изволь, вельможность твоя, поступать с нами по-настоящему, как прежде бывало, потому что не всегда солнце в сером зипуне ходит и не знаешь, что кому злой жребий принес; помни древнюю философскую притчу, что счастье на скором колесе очень быстро обращается; в мире все привыкло ходить как тень за солнцем; пока солнце светит, до тех пор и тень, и как мрачный облак найдет, так и места не узнаешь, где тень ходила: так, вельможность твоя, умей счастье почитать". После перемены кошевого Касогову пришлось плохо в Запорожье: с ним перестали советоваться и сообщать ему новости; запретили добрым людям ходить к нему, разве кто тайком

придет; Рогу запретили с ним знаться: Павла Рябуху явно бранили за то, что не громил царской казны, посланной в Крым; послали на Кодак козаков, чтоб не пускать туда московских ратных людей и оставить чистую дорогу Днепром для заднепровских изменников. Касогов, не предвидя для себя ничего хорошего, ушел из Запорожья. Брюховецкий послал спросить Рога, что это значит? Тот отвечал: "Мы и сами надивиться не можем, зачем он ушел? мы его не выгоняли; мы не изменники, как он нас описывает; не знаем, не для того ли пошел, что у нас кукол ночных нет, с которыми, думаю, на Руси уже натешился; Войско Запорожское государевых людей колоть не думывало, как он писал; а если когда и случилось, что козак, напившись, промолвил что-нибудь дурное, то быку не загородить рта, а человек пьяный подобен воску: что захочет, то и слепит". Брюховецкий писал царю: "Хотя все запорожские козаки в своих грамотах дружелюбно пишут ко мне, однако я боюсь, чтоб между ними не было какого-нибудь смятения, потому что в Запорогах живут козаки большею частию с западной стороны, которые перемогают желательных вашему государскому престолу. И теперь запорожцы дурно сделали, что, не отославши ко мне Дорошенковых посланников с грамотами, отпустили их назад в Чигирин с честью и с ними отправили своих козаков к нечестивому Дорошенку не знаю с чем.

Да сказывали мне мои посланники, пришедшие из Запорог, что тамошние козаки называют королей дедичными своими государями и ненавидят тех, которые служат верно вашему царскому величеству, особенно ненавидят дворян вашего царского величества, полковников Войска Запорожского, да и меня самого за то, что в малороссийские города посланы воеводы и стали ведать всякие угодыя. Теперь запорожцы выслали человек больше двухсот в Полтавщину, чтоб схватить меня; стоят они в Полтавском полку, в городе Баликах. Которые города или деревни богатые отговаривались повинности свои отдавать вашего царского величества воеводам или который козак к войску не выходил, к таким, в наказание за их гордость, послал я вашего царского величества ратных людей на становище и велел брать всякий корм, чтоб им понаскучили хорошенько".

В таком положении находились дела по сю сторону Днепра, когда пришла весть о заключении перемирия с Польшею. Мы видели, как истощенное государство Московское жаждало этого перемирия, и понятно, что вторжение короля Яна-Казимира в Малороссию в 1663 году не могло уменьшить этой жажды. В январе 1664 года отправился к королю из Москвы посланник, стряпчий Кирилла Пуцин, и повез царскую грамоту с предложением нового съезда уполномоченных. В феврале Пуцин нашел Яна-Казимира под Севском, в селе Ушине. Литовский канцлер Христофор Пац объявил посланнику, что с королевской стороны комиссары готовы и что съезду быть в Белеве или в Калуге. Тут же приехал к канцлеру крымский посол и объявил, что сам хан пришел под Азов с 50000 крымцев и 40000 янычар. Татарин предлагал Пацу истребить и донских козаков, и запорожских черкас и требовал, чтоб ханские послы присутствовали на

съездах королевских комиссаров с царскими уполномоченными. Канцлер отвечал, что когда король заключит мир с царем, то может помирить последнего и с ханом. Проводя крымского посла, Пац сказал Пущину: "Когда великие государи наши христианские склонятся к покою, то все мечи наши оборотим на этих бусурман". В то же время приехал в Москву королевский посланник Самуил Венславский и договорился с Ординым-Нащокиным и думным дьяком Алмазом Ивановым, чтоб царские уполномоченные, бояре - князь Никита Иванович Одоевский, князь Юрий Алексеевич Долгорукий, окольник, князь Дмитрий Алексеевич Долгорукий, думные дворяне - Григорий Борисович Нащокин, Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин и думный дьяк Алмаз Иванов, съехались с королевскими комиссарами - коронным канцлером Пражмовским и гетманом Потоцким с товарищами тою же весною. Перед отъездом Ордин-Нащокин подал государю записку, в которой настаивал на необходимости тесного союза с Польшею и обращал внимание царя на враждебные действия Швеции, которой надобно было, по его мнению, больше всего беречься. "Если заключить простой мир с Польшею, - писал Нащокин, - то надобно возвратить всех польских и литовских пленных, которых такое множество в службе во всех краях Великой России и в Сибири, поженились здесь, женщины замуж вышли; при союзе они могут остаться и нам очень надобны, потому что свои служивые люди от продолжительной войны стали к службе нерадетельны, скучают ею, а в украинских местах без служивого доброго строя от хана крымского и от калмыков быть нельзя. Союз с Польшею необходим потому, что только при его условия мы можем покровительствовать православию в польских областях. Единоверные молдаване и волохи, отделяемые теперь от нас враждебною Польшею, послышав союз наш с нею, пристанут к союзным государствам и отлучатся от турка. Таким образом соединится такой многочисленный христианский народ, одной матери, восточной церкви, дети: от самого Дуная все волохи и через Днестр, Подолье, Червонная Русь, Волынь и Малая Россия, уже приобщенная к Великой. А поблизости ведомый наш неприятель-швед; как прежде, так и теперь по съездам посольским известно, какие разрушительные шведские неправды! И все их начинания оттого, что с Польским государством продлилась война и внутренние ссоры повстали в Великой России; явный же виновник ссор - шведский комиссар: он для того и живет на Москве и делает что хочет. Шведы всячески тайными ссылками советуются с ханом на разорение Великой России. Они составляют злые вести, в Стокгольме печатают и во весь свет рассылают, унижая Московское государство. При мне грек Кирьяк привез эти вести из Москвы (надобно думать, что получил их от шведского комиссара), и вот польские сенаторы начали быть горды и не сходительны в мирных статьях, стали колоть нам глаза этим шведским сочинением, будто правда, что в Великой России страшное бессилие и разорение; по шведским же рассыльным вестям король и в Украину пошел, услышав, что все московские войска высланы против башкирцев". В заключение Нащокин говорит: "А черкас малороссийских как отступить без

заклучения тесного союза с Польшею: они, невзирая на Польшу и Литву, по совету с ханом и шведом начнут злую войну на Великую Россию". Эта мысль о возможности отступить от черкас, неопределенно высказанная, сильно не понравилась государю; он отвечал Нащокину: "Статьи прочтены, и зело благополучны, и угодны богу на небесах, и от создания руку его и нам, грешным, кроме 53-й (последней), эту статью отложили и велели вынуть, потому что непристойна, да и для того, что обрели в ней полтора ума: единого твердого разума и второго половина, колеблющегося ветром. Союз - превеликое богоугодное дело и всего света любовь и радость, только о том с твердым рассуждением и с великим подкреплением наказав, великих и полномочных послов отпустим по времени. А о черкасском деле, о здешней стороне мысль свою царскую прилагать непристойно, потому что за помощью всемогущего бога и твоим усердством и верною службою во Львове о здешней черкасской стороне ты отговорил, впредь эта статья упомянута не будет; у нас, великого государя, твой извет про ту статью крепко памятен, и за то тебя милостиво похваляем. Собаке недостойно есть и одного куска хлеба православного (т. е. полякам недостойно владеть и западную стороною Днепра); только то не от нас будет, за грехи учинится. Если же оба куска хлеба достанутся собаке вечно есть, - ох, кто может в том ответ сотворить? И какое оправдание примет отдавший святой и живой хлеб собаке: будет ему воздаянием преисподний ад, прелютый огонь и немилосердые муки, от сих же мук да избавит нас господь бог милостию своею и не выдаст своего хлеба собакам. Человече! Иди с миром царским путем средним и, как начал, так и совершай, не уклоняйся ни на десную, ни на шую; господь с тобою!"

В мае царские уполномоченные отправились в Смоленск с таким наказом: "Чтоб благонадежный и святой мир учинить и кровь христианскую успокоить вечно на обе стороны, а рубеж бы учинить по Днепр. Если польские комиссары рубежа постановить так не захотят, то вам бы по конечной мере говорить о стародавних городах, о Смоленске с 14 городами. О черкасах обеих сторон говорить и стоять всякими мерами накрепко, что они люди вольные и какая будет прибыль обоим государствам, если их напрасно в Крым отогнать и разоренье и войну всегдашнюю от них принимать. Если польские комиссары станут этому противиться упорно, то вам бы говорить о той стороне Днепра, чтоб там церквей в костелы не обращать и униатам не отдавать, города и черкас не неволить ничем, дать волю; о здешней же стороне Днепра, черкасских городах и о Запорожье говорить всякими мерами и отказать впрямь и засвидетельствоваться богом, что мы, великий государь, крови не желаем и впредь желать не будем. О пленных делать с превеликим рассмотрением, чтоб крепко и впредь постоянно и прочно было и чтоб в том между обоими государствами, особенно же в своем государстве, ссор, кровопролития и убийств не учинить. О титулах говорить по окончании дела, стоять крепко о белорусских и малороссийских, чтоб теми титулами писаться нам, великому государю, потому что города Малой и Белой России к Московскому государству исстари, а теперь под нашею высокою рукою

многие, а королевскому величеству этими титулами вперед писаться же. Стоять об этом накрепко и в пример предлагать, как польский король пишется до сих пор шведским. Если польские комиссары станут упорно противиться, то говорить с ними о титулах подумав, примериваясь к их польским и литовским хроникам, какие прежде у Московского государства были города из Малой, Белой, Черной и Желтой России, к тем бы городам те и титулы прилагать, в этом бы нам, великому государю, вы послужили и порадели, как вас бог святой вразумит и наставит". Но скоро государь узнал, что службе и радению уполномоченных мешает несогласие между ними; Ордин-Нащокин, на ловкость которого царь больше всего надеялся, писал ему: "За многое пред богом окаянство я в службишке своей неисправен, в твоём деле побежден многими душевными скорбями, ни в чем не успеваю; я от твоих ближних бояр, князя Никиты Ивановича и Юрия Алексеевича, до сих пор никакого обнадеживания в тайных делах не слышал, они службишке нашей мало доверяют и в дело ставят; у нас любят дело или ненавидят, смотря не по делу, а по человеку, который его сделал: меня не любят и делом моим пренебрегают. А время, государь, скоро переменяется, делать бы теперь, не откладывая на иное время, а твоих ратей промысл и как устали от службы тебе, великому государю, известно, миру быть теперь самое время без проволоки". Государь прислал новый наказ: "Милость божия да умножится с вами, великими послами, и молитва пресвятыя богородицы да поможет вам во всяком усердии вашем. И вам бы, великим и полномочным послам, а на имя стародавних честных родов, и приятелям нашим верным, боярину князю Никите Ивановичу, боярину князю Юрию Алексеевичу (было написано еще думному дворянину Афанасью Лаврентьевичу, но зачеркнуто), о том же бозе нашем здравствовать и радоваться! Да послужить бы вам святой восточной церкви и нам, государю, и приложить бы вам к усердию наипаче усердие и к промыслу промысл, и стоять бы за Полоцк крепко, образа ради пресвятыя богородицы владимирские и чудес, содеявшихся от него в видении орли во время пришествия того образа во град Полоцк; удержать бы этот город, хотя бы и денег дать не мало: слез достойное будет дело, если в святой велелепной великой церкви полоцкой поручницыно имя уже более не возгласится православно, призовется по-римски или иною верою неправо, и жертва не принесется правильно, но учинится церковь костелом или униатскою! Также и за Динабург давать деньги, а за Витебск и упорно говорить не надобно. Если невозможно удержать Полоцка и Динабурга, буди воля божия и пресвятыя богородицы, сделается это по воле божией, а не от вас, только бы наше намерение и повеление к вам, ваше предложение и усердие крепкое было. А думному нашему дворянину, а вашему товарищу Афанасью Лаврентьевичу это письмо ведать же".

1 июня в Дуровичах, между Красным и Зверовичами, начались съезды. Три первых съезда прошли, по обычаю, во взаимных упреках и спорах за титулы: московские уполномоченные жаловались, что король, отпустив Ордина-Нащокина из Львова с обещанием приказать комиссарам своим двинуться к границе для мирных переговоров, вместо того двинулся сам с

войском в украинские города. Комиссары отвечали: "Когда был во Львове Ордин-Нащокин и домогался перемирия, то король на это не согласился, говоря, кто желает перемирия, тот не желает вечного мира; король желает мира, но не обещал прекратить войны и пошел на подданных своих запорожских черкас для того, чтоб свои города мечом отыскать и старых подданных возвратить под свою оборону". Между тем Хованский снова проиграл сражение под Витебском, потерял обоз; Одоевский писал государю: "Польские комиссары перед прежним горды, стоят упорно, проволакивают время нарочно, а гетман Пац собирается с войском безопасно, поджидает к себе коронных полков, из Украйны вестей и от крымских людей помощи; и так теперь над князем Иваном Андреевичем Хованским и над твоими государевыми ратными людьми учинили промысл, обоз взяли и Витебск осадили, то и пуще возгордились". Ордин-Нащокин писал от себя то же, прибавляя, что комиссаров можно склонить к миру только обещанием союза, но когда он советует Одоевскому и Долгорукому предложить комиссарам союз, то ближние бояре и слышать об этом не хотят, потому что, говорят, в дело этого не поставлено; посредников нет, а без этих двух статей, без предложения союза и без чужого посредства, успеха в переговорах не будет. "Если я, - продолжает Нащокин, - доносил тебе, великому государю, что-нибудь неправдою. если все то, что я тебе говорил и писал по шведскому и польскому посольству, не сбылось, то я достоин смерти, и не только был бы я рад, если б меня откинули от этого посольства, как откинули от шведского, но даже тесная темница или казнь были бы мне радостнее нынешнего посольства". Князь Юрий Алексеевич Долгорукий писал государю мысль: "Поляки подлинно знают, что у боярина князя Якова Куденетовича Черкасского в полках ратные люди оскудевают запасами, стоя на одном месте, утехи себе и прибыли никакой не имеют; всегда рать тешится, вступая в чужую землю и видя себе прибыль и сытость, а на одном месте стоя на своих хлебах, всегда попечением одолевается. Лучше, не испуская лета, князю Якову Куденетовичу Черкасскому перейти Днепр между Могилевом и Быховом под Варколановом монастырем и тут дать битву, литовское войско пожать, а комиссаров понизить, а биться ему с литовским и жмудским войском можно, пока Чарнецкий с коронным войском на помощь к литве не подоспеет". Ордин-Нащокин утверждал то же самое, что для склонения комиссаров к уступчивости необходим военный успех с русской стороны, но он разнился с Долгоруким относительно места, куда должно было двинуться царское войско. "Если государевы ратные люди, - говорил Нащокин, - будут стоять без промыслу до осени, то они смоленские хлебные запасы объедят, смоленских ратных людей оголодят и осенью разбегутся; если же им хлебных запасов давать понемногу, то они и до августа станут бегать. Если от государевых ратных людей будет промысл по Двине-реке, то литва испугается, а запасы нашему войску можно везти реками Касплею и Двиною; над Могилевом же промысл литве не так страшен, потому что жены, дети и дома их около Двины, а татар они в Литву привести для своего разоренья не захотят, если же и приведут татар,

то татары в Литве зимовать не станут и за нашим войском к Двине не пойдут, а учинят Литве такое разоренье, какого она от нашего войска и в десять лет не видала; видя такое разоренье от татар, Литва рада будет миру". Ордин-Нащокин советовал также действовать другими средствами; он говорил: "Для одержания союзом Смоленской и Северской земли надобно послать к шляхте, у которой в тех уездах были маетности, обнадеживать ее возвращением этих маетностей, обещать, что суд и расправа останутся у нее прежние; войску польскому надобно посулить денежной казны, а сенаторам уже и объявлено; надобно дать государева жалованья литовскому референдарю Брестовскому, он может все сделать, потому что литовцы его любят и во всем верят". На все эти мнения и донесения царь отвечал от 18 июня, что князю Якову Куденетовичу Черкасскому велено двинуться к Орше.

К этому воеводе, которым были недовольны за действия его против короля, царь послал спросить о здоровье и сказать ему такие милостивые речи: 1) Сын его, князь Михайла, и дочь его, княжна Авдотья, дал бог, здоровы, и к ним наша государская милость непременно: от нас, великого государя, к сыну его, от царицы к дочери его подачи ежедневные и пироги именинные посылают. 2) Чтоб он, боярин и воевода, взяв себе на помощь крепко великого бога и его святой образ, безо всякого сумнения дерзал и промышлял о имени его святом, не опасаясь ничего. Верил бы и уповал крепко на бога, и как бог попустит, то будет людям на хвалу, а если за неверие милость отнимет, тогда все пуще ворчать станут; истинно, за Болховскую стойку крепко негодуют; речам глупых людей не радоваться бы, что король от него побегал и он хотя и не нашел, зато и не потерял. Можно было ему, за божиею помощью, с польским королем мир учинить, если бы он на его королевских людей наступал всеми людьми строем и обозом и над ними промышлял: всегда за таким промыслом войне конец бывает. 3) Радовался бы упованию крепкому на бога да утешался бы тем, что на недруга наступал всяким способом, бился строем, огнем и дымом и промысл чинил с обозами: большая то слава и честь, нежели людьми, пехотою. 4) Чтоб он, боярин и воевода, с нашими ратными людьми, пушками и обозами подвинулся ближе к великим и полномочным послам и стал от них в 30 верстах для страху польским комиссарам. Во время съездов к великим послам посылают станицы часто и спрашивать вслух, польские комиссары приступают ли к миру и правдою ли входят в дело или разъедутся? Если и не разъедутся, а в дело входят неправдою, то ему над польскими и литовскими людьми чинить промысл, не испустя нынешнего летнего времени; а посылал бы к великим послам людей умных и суровых и ростом дородных. 5) Чтоб он, боярин и воевода, над польным гетманом Пацом и над литовскими войсками промышлял, ссылаясь с великими послами, брал бы у них совет и весть почаще, как литовских людей приводить к миру, потому что они на то дело смотрят, как его делать. 6) Чтоб у Полоцка неприятельским людям никак нового хлеба и трав покосить не дал, чтоб к тому новому хлебу на тот год таборы свои ставить и запасы готовить. 7) Чтоб он походом и промыслом своим и посылками на

войну себя и наших ратных людей охрабрил и нашим, великого государя, походом, если польские комиссары не помирятся, обнадеживал для того, чтоб дело к концу привести. 8) Ратных конных людей обнадеживать нашим государевым жалованьем, деньгами и хлебом вперед. 9) Спросить, для чего полчане его на Москве оставлены? 10) О князе Хованском сказать, что к нему будет послан товарищ для подкрепления. 11) Переслаться с князем Хованским, чтоб литовскому и жмудскому войску собраться не дать. 12) Непременно бы он, боярин и воевода, на то дело смотрел всячески и над неприятельскими людьми чинил всякий промысл и поиск, чтоб неприятельским людям собраться не дать и не так бы сделать, как было нынешнею зимою, когда господь бог всякий промысл подавал, можно было надеяться всякого доброго дела, а он, боярин и воевода, как польский король из севских мест побежал к Могилеву, за ним не поспешил и от Почепа отступил. 13) Чтоб крепко уповал на бога, на снятый образ и на молитву пресвятые богородицы, дерзал бы о имени божием разумно и ходил и посылал стройно военным крепким обычаем. Князю Юрию Алексеевичу Долгорукому государь послал сказать тайно: "Князю Якову Куденетовичу Черкасскому послано выговорить за прежнее его стоянье без промысла; если он вперед будет делать так же, то великий государь изволит идти в Вязьму, а на место князя Черкасского воеводою быть укажет ему, князю Юрию Алексеевичу, а теперь бы его без причины не переменять. Думному дворянину Афанасью Лаврентьевичу про эту статью сказать же".

Черкасский должен был двинуться с войском, чтоб подвинуть посольское дело в Дуровичах. Здесь уже шесть съездов прошло в вычетах и перекорах, кто виноват в нарушении вечного мира - Москва или Польша? На седьмом съезде, 30 июня, московские уполномоченные сказали: "Все эти вычеты обеим сторонам известны, пора уже их оставить и говорить о том, как все ссоры успокоить и вечный мир заключить". Польские комиссары отвечали, что вечный мир может быть заключен только на поляновских условиях. Московские уполномоченные возразили, что поляновские статьи - вещь невозможная. "Ну так дайте нам письмо за руками, что Поляновский договор уничтожен, и тогда мы будем становить новые условия", - сказали комиссары. Но царские послы отказались дать письмо, предполагая хитрость: в Поляновском договоре утвержден был за государем московским царский титул; если уничтожить договор, то поляки откажутся писать этот титул. Пошли споры об уступке земель; поляки требовали возвращения всего завоеванного и 10000000 золотых польских за убытки и разорение. "Не уступим, - кричали они, - ни пяди земли, пока сабля у нас при боку; вы побрали наши города во время нашего бессилия, когда у нас много неприятелей было; но хотя господь бог за грехи нас и казнил, однако ото всех неприятелей освободил, остались у нас неприятели вы одни; мы и с вами хотим мира, только отдайте нам все; а не отдадите, и мы будем отыскивать свою саблю. Вы нас попрекаете за крымский союз: нам бы и самим не хотелось соединиться с ханом, но, видя вашу несклонность к вечному миру, поневоле с ним соединимся, соединимся и с шведским

королем, и с иными государями; шведский посол теперь у короля в Варшаве, дожидается заключения союзного договора; да при нашем посланнике астраханские татары и калмыки присылали к крымскому хану с просьбою принять их в подданство; сами рассудите: когда мы со всеми этими государями соединимся, то вам придется плохо". Царские уполномоченные уступили им все, что только могли по наказу, уступили и Полоцк, и Динабург, но польские комиссары не хотели ни о чем слышать, кроме возвращения всего завоеванного. Тогда царские уполномоченные показали твердость, объявили комиссарам, что если они не хотят соглашаться ни на какие уступки, то съезжаться больше незачем, ибо они стоят в царских землях, в Смоленской волости, и своим станом мешают движению царских войск (по договору место съезда и окрестности на известное расстояние были свободны от военных действий). Польские комиссары присмирели, отказались от требования десяти миллионов за убытки. "Больше уступать нам нечего, - говорили они, - пусть опять начнется кровопролитие, у нас в государстве разорять нечего, потому что оно уже все разорено, а вы смотрите, не доводите нас до необходимости соединиться с другими государями". Видя невозможность продолжать переговоры, положили разъехаться на три недели, с 10 июля по 1 августа, царским уполномоченным отправиться в Смоленск, а польским комиссарам - в Толочино.

Приехавши в Смоленск, великие послы отправили в Москву товарища своего, Афанасия Лаврентьевича Ордина-Нащокина, чтоб тот подробно рассказал государю, как у них деле? делалось. Следствием этой поездки была царская грамота Долгорукому: "Будучи ты на посольских съездах, служа нам, великому государю, радел от чистого сердца, о нашем деле говорил и стоял упорно свыше всех товарищей своих. Эта твоя служба и раденье ведомы нам от присыльщиков ваших, также и товарищ твой, Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин, про твою службу и раденье нам извещал. Мы за это тебя жалуем, милостиво похваляем, а теперь указали тебе быть полковым воеводою, и ты бы над польскими и литовскими людьми промысл и поиск чинил бы, в которых местах пристойно, смотря по-тамошнему". Черкасский был отозван в Москву под предлогом, что он должен быть дворовым воеводою во время преднамеряемого царского похода в Литву. Ордин-Нащокин возвратился в Смоленск с наказом польских комиссаров подкупать всячески, чтоб они к миру были склонны. 30 июля он получил грамоту: "Ты бы нам отписал с нарочным гонцом наскоро, чаять ли от комиссаров сходства к миру и нашему походу из Москвы в Вязьму быть пристойно ли? Да ведомо нам, великому государю, что генерал-поручик Вильям Дромант нашу государскую премногую к себе милость и жалованье поставил ни во что и, нашим жалованьем обогатясь, нам служить не хочет, а хочет ехать за море, и ты б ему поговорил от себя тайно, чтоб он свою мысль отложил и за море не ездил". В ответ Ордин-Нащокин писал, что Долгорукий задерживает войско под Шкловом, в котором сильный гарнизон, и боится выйти из смоленских мест в литовские; но что он, Нащокин, держится прежнего своего мнения: осаду

городов надобно оставить; и прежде эти осады губили войско и давали время неприятелю собираться с силами; он приходил и города свои отбирал назад. Теперь, не задерживая войска под Шкловом и Могилевом, стать к хлебным местам Смоленского уезда и оттуда пустить войну к Двине, где у литовских войск дома.

С 8 августа возобновились съезды: польские комиссары объявили, что вечный мир возможен только при возвращении Польше всего завоеванного, и предложили перемирие до мая месяца следующего 1665 года с уступкою царю Смоленска и северских городов. Царские уполномоченные соглашались на это осьмимесячное перемирие, но с удержанием всего завоеванного, уступали наконец Витебск с уездом; за уступку навеки Смоленска, северских городов, Динабурга, Малороссии на восток от Днепра и Запорожья предлагали три миллиона да самим комиссарам давали соболей на три тысячи рублей. Комиссары ни на что не согласились и разъехались в сентябре, положив начать новые съезды не ранее июня 1665 года, после сейма. Так окончилось посольское дело. Князь Долгорукий извещал, что гетман Пац стоит в Могилеве в крепости и в пушечной отстрелке, а в поле бою не дает, не вышел и против окольного князя Юрия Никитича Борятинского; те же неприятельские люди, которые встретились с Борятинским, побиты наголову, и в плен взято шляхты и немцев 32 человека; кроме того, по обеим сторонам Днепра литовских людей во многих местах побивали; над Шкловом и Копосом промыслить нельзя, потому что сторожа в них оставлена сильная и начальные люди верные. Государевым ратным людям стоять теперь в Дубровне хорошо, гораздо сытнее, чем под Копосом и Шкловом, хлеб находят по ямам и на полях жнут и в обоз возят; но перед прежними годами на полях во многих местах хлеба не сеяно, начало зарастать лесом; около Могилева и Шклова все пожжено и разорено; от Днепра до Березы, а в правую сторону близ Двины, в левую по Толочино все разорено и сожжено, люди в полон выбраны и повезены в Русь. Ратным людям дано сроку три дня для отпуска пленников в Русь, а которые безлюдные люди, тем велено продавать, а у себя не держать, потому что в полках появилось много жонок и девок, и надобно очистить души и тела ратных людей от блуда.

Прошел 1664 год; приближался уже июнь 1665-го, а о новых посольских съездах не было слуха. В мае месяце московский посланник дьяк Григорий Богданов толковал в Варшаве с панами радными о посредничестве христианских государей. "У Короны Польской, - говорили паны, - с Московским государством не первая теперь война, и в прежних войнах мирились без посредников. Императорские послы, Аллегрет с товарищами, были посредниками, однако при них покою вечного не учинено; а если б посредников тогда не было, то, конечно, мир был бы, эти посредники тогда только мешали, а не мирили. И теперь только бы ваш великий государь захотел покою, то можно бы заключить вечный мир и без посредников". "Сколько раз съезжались великие уполномоченные послы, - отвечал Богданов, - а ни вечного мира, ни перемирья за многими спорами не

заклучили; для того теперь посредники и надобны, чтоб спорные дела рассудили. И опять полномочные послы съедутся, и опять без посредников ничего не сделают". "Хорошо, - говорил референдарь Брестовский, - успокаивать обидные дела посредниками, не начиная войны, не делая великого разоренья, не взявши себе многих городов; а то побрали многие города, да и говорят о посредниках. Знаем мы, для чего вам нужны посредники: для проволоки, чтоб года три-четыре проволочить и взятые города укрепить за собою". "Царское величество, - говорил бискуп Плоцкий, - желает в посредники цесаря и короля датского; но пусть царское величество знает, что цесарь королю польскому родня, а датскому королю во время его упадка, когда на него шведы наступали, польское войско большую помощь оказало, потому датский король нашему королю друг и неправды никакой делать не захочет. Если соглашаться на посредничество, то до приезда посредников надобно будет войну прекратить, и в это время царь будет нашими городами владеть и их за собою крепить. Только принять в посредники цесаря и короля датского, так захотят у того же дела быть и французский и шведский короли, и курфюрст бранденбургский. и другие все христианские государи. и всякий из них станет вымышлять, как бы себе лучше". Богданов возражал, что ни один государь без приглашения не навяжется в посредники. Паны продолжали свое, что посредники только препятствуют соглашению. "Лучше всего, - говорили они, - съехаться уполномоченным, и если они вечного мира заключить не смогут, то заключить перемирие лет на 12 и вместе договор о посредниках, которые должны быть при переговорах о вечном мире". С этим Богданов и был отпущен, а в Москву в сентябре приехал королевский посланник Иероним Комар и объявил полномочие говорить о перемирии, о прекращении военных действий и о том, где и когда быть съездам уполномоченных. Что же было причиною такой склонности к миру и такой уступчивости со стороны Польши? Мы видели, что оба государства были поставлены предшествовавшими событиями в такие отношения, что мир между ними не был возможен; Москва после таких пожертвований не могла отказаться от Малороссии и от всех завоеваний; поляки же прямо говорили: для чего нам уступать вам что-либо, когда обстоятельства переменились, когда вы истощены, без союзников, а мы свободны от всех других врагов и в союзе с ханом? Следовательно, мир между Москвою и Польшею был возможен только в том случае, когда новый какой-нибудь удар постигал то или другое государство и заставлял его спешить миром с тяжелыми для себя жертвованиями. Такой именно удар постиг Польшу; поляки перестали хвастаться своим выгодным положением, ибо внутри поднялась у них смута, а извне хан крымский вместо союзника становился врагом, и готовилась страшная война турецкая. Знаменитый Любомирский, с которым мы встречались при печальных для Москвы событиях, преследуемый противною стороною, в челе которой стояли королева и канцлер Пражмовский, был позван в 1664 году перед сейм и за неявлением приговорен к потере достоинств, имущества и жизни. Любомирский

удалился в Силезию, но шляхта Великой Польши поднялась на его защиту, и Любомирский, в челе ее, вступил в открытую борьбу с правительством.

В Москве знали о восстании Любомирского, переменили тон. объявили Комару, что для перемирия со стороны царского величества уступок никаких не будет, и прямо спрашивали, как идут дела у короля с Любомирским? Комар отвечал: "Любомирский загнал королевское величество далеко; но было время, когда на короля наступили вдруг разные неприятели, и тогда бог короля освободил, а с подданным своим королевскому величеству война не страшна; когда король пойдет на Любомирского сам, то последнему стоять будет не с кем, как мышам против кота". Комар уступал на перемирие Смоленск с городами Смоленского воеводства; думные люди отвечали, что это речь неслушная; переговоры о перемирии кончились, и положили - быть комиссарским съездам в январе 1666 года.

Но только 12 февраля приехал в Смоленск великий и полномочный посол, наместник шацкий Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин, пожалованный уже в околичие; в товарищах ему назначены были дворянин Богдан Иванович Нащокин и дьяк Григорий Богданов; с ними отпущены были ковер золотный - постилать на стол во время переговоров с польскими комиссарами, шатер суконный красный, карета, шандал серебряный, пять шандалов медных с щипцами, лохань с рукомыником серебряные, десять стоп бумаги, кувшин чернил, свечи восковые витые и свечи сальные. Еще до начала съездов, 6 марта, государь дал знать Ордину-Нащокину, что в Москву приехал полковник от Любомирского с двумя просьбами: 1) чтоб сыну Любомирского служить царскому величеству и держать на Украине два города, заступая Московскую землю от татар и поляков; 2) самому Любомирскому помочь деньгами, чтоб ему людну и сильну быть против короля. Государь требовал совета у Нащокина, что отвечать Любомирскому?

Ордин-Нащокин писал: "Сыну Любомирского пристойно быть в Москву, это поможет миру и явно будет всему свету, что сын великого человека и славного сенатора Короны Польской приедет служить в Московское государство; дружбе с цесарем это не повредит, потому что Любомирский в милости у цесаря: на Москве в милости царской держать его не зазорно от людей и не ново, а полякам будет страшно. Если же послать казну самому Любомирскому, то от этого Великой России большой прибыли не будет: злая ненависть не возросла бы? Свои ратные люди зашумят, что в чужую землю казну посылают, а у себя и хлебом и деньгами скудно". Любомирский предлагал также царю заключить союз с цесарем, курфюрстом бранденбургским и Швециею и не допустить на польский престол принца Конде. Но кроме того, что это вмешательство в чужие дела вовсе было не ко времени Московскому государству, истощенному, жаждущему мира, мысль о союзе с шведами была лично ненавистна Нащокину, и он отвечал царю: "Такой промысл теперь не к делу, а когда

было для него время, тогда не хотели этим заняться. Теперь надобно думать о том, как бы поскорее мир заключить. Цесарь и курфюрст и теперь в постоянной дружбе с царским величеством, а швед от промыслу отбит не в меру почитанием и страхами Посольского приказа; чтоб шведы не гневались, уступлены им пошрины во вред божиим людям Новгородского и Псковского государств и во вред казне, а теперь шведский резидент в Москве требует уплаты долгов, что у шведов на русских людях; кто бы этому не подивился и не счел за порабощение! Итак, наведши владительство шведское над русскими людьми, какой ровной соседственной дружбы ожидать? И кто дерзнет, будучи в тех краях воеводою, людей оберегать и сбор казны множить?"

Съезды у Нащокина с польскими комиссарами, Юрием Глебовичем, старостою жмудским, с товарищами, начались только 30 апреля в деревне Андрусове, над рекою Городнею, между Смоленским и Мстиславским уездами. 26 мая Нащокин доносил государю, что комиссары намерены уступить Смоленск со всею Северскою землею, также Динабург, довольствуясь отдачею Полоцка и Витебска да денежным вознаграждением, обещанным еще в Дуровичах: но польские комиссары никак не хотят уступить Украйны: два польских комиссара, страшно нобранясь, едва не уехали от литовских, все за Украйну. "Коронные комиссары, - писал Нащокин, - затем и перемирие заключат, чтоб всякими мерами вперед стараться о возобновлении войны, а тогда и Литва от них не отстанет: так теперь надобно подлинным союзным миром их захватить". Нащокин оканчивает свое письмо любопытными указаниями о собственных отношениях: "Узнал я, что сынишка мой, Войка (возвратившийся в отечество), из Пскова поехал в Москву, и тебе, великому государю, бью челом, надеясь на твою государскую по боге бесчисленную ко всем виноватым милость, особенно же ко мне, беззаступному холопу твоему. Если бы вина его, Войкина, была отпущена и дошло бы до того, чтоб его послать ко мне, то твоему государеву делу будет помешка. Тебе, великому государю, известно: в нынешнее воинское время многие неудержательные речи в людях происходят перед прежним бесстрашно, а перед всеми людьми за твое государево дело никто так не возненавижен, как я; которым и службишка моя приказана, и те злыми разговорами возненавижены от думных людей. Крепче иных ближний окольный Федор Михайлович Ртищев, и тот в моей службишке от злых разговоров много пострадал и потому побоялся переписываться со мною по делам настоящего посольства, что причиняет большой вред в твоём и всего мира деле, в докладах. Воззри, государь, на божие и на свое государское всенародное дело, чтоб оно мною и сынишкой моим от ненавистей людских разрушено не было, а я вины сынишка своего не укрываю, и в обращении его как тебе, великому государю, бог известит, пожаловать или казнить".

Самым ясным признаком возможности мира было то, что комиссары согласились на прекращение враждебных действий на всех пунктах: но в то

время как явился уже такой благоприятный признак, вдруг Нащокин получает из Приказа тайных дел грамоту - оставить все замыслы и служить по обещанию. "Теперь ли мне замыслы иметь, когда гроб у меня в глазах!" - отвечал Нащокин государю. "Я милосердия твоего, что слепой света, ожидаю, жду, что ближние твои бояре к совершению посольства будут и мои злые дела покроются честным делом". 18 июня Нащокин уведомил, что вечный мир невозможен и потому приступлено к переговорам о перемирии. В ответ пришла милостивая грамота, чтоб Нащокин на милость государеву был падежен и заключал договор о перемирии, отложив всякий страх, немедленно. Нащокин доносил (в июле), что договору о перемирии сильно помешали козаки, которые стоят иод Гомелем, распустили войну и в дальние литовские места, везде пленят народ. Польские комиссары на съездах говорили, что козаки нарочно нарушают договор о прекращении военных действий: им не хочется мира, чтоб быть всегда в своевольстве, а не под началом на своих пашнях работать. В половине июля Нащокину стало легче спорить с комиссарами на съездах: государь писал ему, что за его верную и радетьельную службу он пожаловал сына его, вины отдал, велел свои очи видеть и написать по московскому списку с отпуском на житье в отцовские деревни; относительно условий перемирия царь позволил Нащокину уступить Витебск и Полоцк, но приказывал стоять упорно за Динабург и Малую Лифляндию, сулить за них в королевскую казну 10000 рублей и больше, а тех комиссаров, которые будут особенно противиться, подкупать, сулить тайно до 20000 рублей. Когда Нащокин предложил это комиссарам, то они отвечали, что уступкою Полоцка и Витебска ограничиться нельзя, не может Польша уступить Москве Украину, потому что тамошние служивые люди останутся без домов. Государь велел предложить им из заднепровской Украины город Канев с уездом, потом уступать Киевское воеводство, наконец даже и Киевский уезд, оставив при Киеве только по шести или по пяти верст в окружности, чтоб в этих верстах остались православные монастыри, но самый Киев, Кременчуг и Запорожье непременно удерживать в государевой стороне; если Нащокин узнает подлинно, что комиссары готовы заключить и вечный мир, если им уступлен будет Киев и разделится все Днепром, то для вечного мира Киев уступить, но Запорожью и Кременчугу быть в государевой стороне. Потом государь велел требовать Киева только на пять лет. Нащокин послал в Москву свой душевный извет: "Ведаю правду, умолчать - противно богу и невозможно по крестному целованию великому государю: комиссарам силы в посольстве прибыло из Украины, потому что в прошлом году в Украину из Москвы переписчики посланы для сбора доходов со всяких жилецких людей; но тамошние люди и от польского короля многою кровью отбивались, чтобы жить в своей воле, им лучше кровопролитие и своевольство, чем покой; неудовольствие в Украине вследствие сбора доходов возбудило в поляках надежду к ее возвращению и произвело потому затруднение в мирных переговорах. В Малой Ливонии тоже неудовольствие: после отдачи Большой Лифляндии шведам на Двине проезжих людей грабят и всячески оскорбляют. Наконец, как нарочно, чтоб

раздразнить литовское войско, из Смоленска выслали пашенных людей: успели бы это сделать и после заключения перемирия, а теперь от порубежной жесточи война может возобновиться. Чтоб удовлетворить Литву, надобно уступить к Полоцку и Витебску Динабург с тамошними местами: тогда Литва и вперед на сеймиках и на Большом сейме будет противиться войне с нами, потому что Литве нечего будет больше желать. От польских же границ необходимо удержать Украину от Чернигова по Днепр и во время перемирия укрепить Чернигов и все северские города. Киев на пять лет и Динабург на все перемирье при том, что делается теперь на порубежье, отстоять невозможно; да если и перемирье будет, а не прекратится насилие порубежным крестьянам, то смоленские уезды и вперед пусты будут, крестьяне выбегут на льготы за рубеж. Для успеха в посольском деле надобно усилить порубежные места, в начале зимы в Смоленск и в другие порубежные города запасы и рати ввести, также ссылаться с курфюрстом бранденбургским, с Богуславом Радзивиллом и с Любомирским". Государь от 10 ноября отвечал Нащокину, чтоб заключал перемирье по прежнему наказу, вытребовавши Киев на пять лет, а Динабург на все перемирное время. Но польские комиссары (10 декабря) с клятвою объявили, что по сеймовому указу им велено уступить Смоленское воеводство со всею Северскою землею, а взять без откладывания Киев с теми местами, которые через Днепр на переяславской стороне теперь за ними, да Запорожье, чтоб запорожские козаки ссорою не наводили на них войны с турками и крымцами, а на Двине - Динабург с другими волостями, которые прежде были за ними. Нащокин предлагал разъехаться до нового срока, подтвердив только прекращение неприятельских действий, но комиссары никак на это не соглашались, "Или перемирье на 12 лет на наших условиях, или война", - говорили они и грозили, что хан с ордами идет к ним на помощь, что подтверждал и воевода Шереметев из Киева. Нащокин уговорил комиссаров не разъезжаться до 25 декабря и, давши знать об этом государю, советовал принять условия, ибо других не будет. "А в Московском государстве, - писал он, - и в мысли того не бывало, что Смоленском владеть, не только Черниговом и всею Северскою землею, что теперь отдают. У полоцких и витебских служивых людей слышится сильный ропот, что живут без перемены, и если война продлится, то едва ли удержатся. Какая нужда в Киеве, тебе, великому государю, известно из грамот боярина Петра Васильевича Шереметева; а в Польше и Литве хорошо знают, что порубежные города не крепки и большое войско на оборону их скоро не придет; слава пущена во все государства, что денежной казны у вас в сборе нет; сибирская рухлядь и всякие поставки в жалованье служивым людям розданы, прежних доходов убыло, и на денежных дворах в Москве и по городам денег не делают. Если мир отложится, то чтоб турка и хан в Украине не усилились, ее и окольные места не разорили, когда выведут людей, то и мириться будет незачем; и началась война за то, чтоб турка и хана не допустить владеть Україною, в посольствах и по всему свету об этом расславлено; а кроме мира с Польшею, возмущения в тамошних

людях укротить нечем". Государь 17 декабря послал статьи, примериваясь к которым договариваться: перемирие на 12 лет или больше, уступить за Киев Динабург с Южною Ливониею, если же не согласятся, то по последней мере уступить и Киев с заднепровскими городами киевской стороны, а восточной стороне Днепра быть за царем, Запорожье поделить - здешней стороне быть за Москвою, а другую уступить Польше. Статьи объявлять не вдруг, а продержат комиссаров и войну задержать до последнего зимнего пути. "А тебе, Афанасию Лаврентьевичу, - писал государь, - к терпению еще терпение приложить, потому что гумна пшеницы и меры масла еще не исполнились, ибо мир в лукавстве лежит; претерпевши до конца, той спасен будет, и, как гумна пшеницы и меры масла исполнятся, тогда мы, великий государь, укажем к тебе отписать". Но скоро это решение переменялось вследствие известия, что хан побит в Украине; 22 декабря написан был новый наказ Нащокину: "За Киев и за здешнюю сторону Запорожья давать деньги, что пристойно, чтоб Киеву и здешней стороне Запорожья никак в уступке не быть; если же комиссары не согласятся, то съезды отсрочить и войну задержать". Нащокин донес, что после 30 съездов комиссары уступили наконец всю восточную сторону Днепра, но Киева все еще не уступают и вопреки договору польские войска двинулись в Смоленский уезд для сбора стаций. 6 января 1667 года государь отвечал: "Мы отправили окольного князя Великого-Гагина в Вязьму с двумя полками рейтар и с четырьмя приказами стрельцов и с 33 пушками, из Вязьмы им велено идти в Смоленск не для крови, но для того, чтоб литовские войска отступили. Если польские войска из Смоленского уезда выйдут и комиссары будут к вам сходительнее прежнего, то тебе, от бога избранному и верному доброхоту нашему, уступать Динабург с Запорожьем, кроме берега здешней стороны против Запорожья, потому что по вашему договору комиссары уступают все черкасские города здешней стороны, а за Киев стоят; если же никакими способами Киева удержать будет нельзя, комиссары сходительны не будут, рати из Смоленского уезда не выведут, а захотят крови, то Киев уступить, но прежде настояйте о выводе и задержании войск, чтоб отдавать было волею, а не по нужде. Смотреть накрепко, не своею ли службою хотят комиссары удержать Киев, но нарочно ли вам говорят, что указ им прислан с сейма; а нам подлинно известно, что сейм разорвался без всякого дела. Стойте всеми силами, чтоб нам в титлах по-прежнему киевским писаться".

"Свыше человеческой мысли", по выражению Нащокина, комиссары согласились уступить Киев на два года. Виновником этой уступчивости был Дорошенко. Еще 20 февраля 1666 года под городом Лысенкою Дорошенко предложил старшине (без черни) всех ляхов выслать из Украины в Польшу, самим со всеми заднепровскими городами приклониться к хану крымскому и по весне идти с ордою на восточную сторону; если ляхи не пойдут добровольно, то бить их, потому что поляки берут стацию многую и налоги чинят великие, а от московских ратных людей и от восточных козаков не защищают; стаций и хлеба на западной стороне давать нечего: уже три года хлеба не сеяли. Поднялся крик от

старшины Серденева полка на Дорошенка. "Ты татарский гетман, татарами поставлен, а не Войском выбран; мы все поедem к королю". "Хоть сейчас поезжайте к королю, - отвечал Дорошенко, - вы мне не угрожаете, я вас не боюсь; вы меня называете не гетманом: для чего же станции у меня просите? Королевского войска и вас нам не прокормить, только себя погубить". При этих словах Дорошенко положил булаву в знак, что отказывается от гетманства, и пошел в город. Но полковники и старшина догнали его, привели в раду и по-прежнему провозгласили гетманом. Дорошенко дал знать в Крым и Константинополь, что Украина в воле султана и хана, и вот пришел приказ из Константинополя новому крымскому хану Адиль-Гирею (сменившему Магмет-Гирея весной 1666 года), чтоб шел воевать короля польского. В сентябре толпы татар нагрянули на Украину под начальством нурадина Девлет-Гирея. Царевич остановился под Крыловом и отсюда разослал загоны за Днепр под Переяславль, Нежин и другие черкасские города и вывел пленных тысяч с пять. Схвативши эту добычу с восточного царского берега, нурадин отошел под Умань, два месяца кормил здесь лошадей, соединился с козаками и двинулся на короля. Под Межибожьем встретил он полковников польских Маховского и Красовского с 2000 гусар, рейтар, шляхты и драгунов: все это полегло на месте или было взято в плен, Маховского в оковах привезли в Крым. После победы татары и козаки рассыпались за добычею под Львовом, Люблином, Каменцом, побрали в плен шляхты, жен и детей, подданных их и жидов до 100000, а по рассказам польских пленников - 40000. Татары брали пленных, но козаки этим не довольствовались: они вырезывали груди у женщин, били до смерти младенцев. После этого Дорошенку уже не было возврата к королю. Чтоб не бояться мести от поляков, он хотел сдавить их с двух сторон: в Крым явились от него посланники - браславский полковник Михайла Зеленский и Данила, сын Грицка Лесницкого, хлопотать, чтоб Адиль-Гирей помирился с государем московским, не допускал его до мира с польским королем, чтоб воевать Польшу вместе с Москвою. Пленный боярин Шереметев получил такое письмо от Зеленского: "Ради бы были против давнего желательства и приятства вашу милость навестить и поклон нижайший отдать, но нам запрещено, для чего письменно вашу милость посещаем; потом желаем, чтоб против стародавности на Руси могли вашу милость видеть, даст бог, вскоре: когда уж с ляхами вновь в неприязни пребываем, тогда господь в соединение христиан сведет". Но если Дорошенко хлопотал о том, чтоб не допустить царя до мира с Польшею, то поляки должны были хлопотать о противном, и благодаря этому Киев остался за Москвою.

Нащокин объявил комиссарам государево жалованье, по десяти тысяч золотых польских: референдарю Брестовскому объявлено, что сверх товарищей своих получит еще 10000 золотых, а если приедет с подтверждением договора в Москву, то будет большая ему государская милость, "Королевскому величеству, - писал Нащокин комиссарам, - мы не можем назначить, но когда будут у него царские послы с мирным подтверждением, то привезут достойные дары, также и канцлеру Пацу

прислано будет необидно". 6 января приехал от комиссаров Иероним Комар и бил челом, чтоб сверх обещанных денег в тайную дачу пожаловал им государь явно соболями, чтобы им можно было хвалиться перед людьми; сам Комар бил челом, чтоб вместо обещанных ему ефимков дали золотыми червонными, потому что червонцы легче скрыть, так что и домашние не узнают; Комар объявил, что, как скоро комиссары получат государево жалованье, сейчас же станут писать договорные статьи. Деньги были высланы из Москвы немедленно, и 13 января, на 31-м съезде, написаны договорные статьи: заключалось перемирие на 13 лет, до июня месяца 1680 года; в это время уполномоченные с обеих сторон должны трижды съезжаться для постановления вечного мира, причем третья комиссия должна быть уже с посредниками. В королевскую сторону отходят города: Витебск и Полоцк с уездами, Динабург, Лютин, Резица, Мариенбург и вся Ливония, также Украина на западной стороне Днепра, но из Киева вывод московских ратных людей отлагается до 5 апреля 1669 года; в эти два года окрестности Киева на милю расстояния остаются во владении царском. Запорожские козаки остаются в обороне и под послушанием обоих государей, должны быть одинаково готовы на службу против неприятелей королевских и царских; но оба государя должны запретить им, как и вообще всем черкасам, выходить на Черное море и нарушать мир с турками. В сторону царского величества отходят: воеводство Смоленское со всеми уездами и городами, повет Стародубский, воеводство Черниговское и вся Украина с путивльской стороны по Днепр, причем католики, здесь остающиеся, будут беспрепятственно отправлять свое богослужение в домах; шляхта, мещане, татары и жида имеют право продать здесь свои имения и уйти в королевскую сторону. Козакам восточной стороны не мстить за то, что отступали в сторону королевскую, людей отсюда в Московское государство не выводить и новых крепостей не строить. Пленники, духовные, шляхта, военные люди, козаки, жида, татары, мещане, ремесленники, купцы отпускаются с обеих сторон безусловно, об отпуске же пашенных людей будет постановлено на будущей комиссии. Оба государя предложат крымскому хану приступить к перемирию; если он отвергнет предложение и пойдет войною на Московское государство, то король никакой помощи давать ему не будет; если же он станет опустошать Украину по обеим сторонам Днепра или подговаривать козаков к себе, то оба государя общими силами дают отпор бусурманам. препятствуют, чтоб Украина не отошла к последним, и козакам такого самовольства не позволят. Оба государя будут употреблять короткие титулы: король будет писаться - польским, шведским, литовским, русским, белорусским и иных; царь - великим государем царем и великим князем и прочих; на царской печати не будет титулов литовского, киевского, волынского и подольского. Все захваченные бумаги, наряд, взятый в городах и замках, королевских и шляхетских, церковные вещи, часть животворящего древа, взятая в Люблине, мощи св. Калистрата в Смоленске возвращаются, сколько ни найдется. Торговым людям путь чистый в обоих государствах, сухим путем и реками, а именно Касплею и

Двиною из Смоленска к Риге, с платежом обыкновенных пошлин; путь чистый всяких и других чинов людям, через Московское государство духовным особам, отправляющимся в Персию и Китай для распространения там христианской веры.

Для подтверждения перемирия в Москву приехали королевские послы Станислав Беневский и Киприан Брестовский. 21 октября в ответе с Ординым-Нащокиным они сказали: "У королевского величества и Речи Посполитой теперь болезнь большая: на королевство Польское встал великий неприятель всеми своими бусурманскими силами, так надобно обоим великим монархам против бусурманских войск вместе стоять. Есть еще у короля и Речи Посполитой другая болезнь, внутренняя, которую прежде всего надобно исцелить, чтоб больше турецкой войны мира не разорвала: надобно удовлетворить шляхту, выгнанную из уступленной Украйны и Северщины, потому что от нее беспрестанная доука и вопль. Чтоб царское величество изволил об этих статьях договор учинить теперь с нами: тогда неприятель христианский, слыша о союзе обоих монархов, испугается, и народы христианские, находящиеся под властью бусурмана, - греки, сербы, болгары, волохи и молдаване - начнут искать освобождения из-под поганского насилия". "Чем же успокоить выгнанную шляхту?" - спросил Нащокин. "На это есть два способа, - отвечали послы, - пусть царское величество или пожалует их деньгами, или позволит им жить в прежних имениях". "Если позволить им жить в прежних маетностях, - спросил опять Нащокин, - то чьими подданными они будут называться и какая услуга будет от них царскому величеству?" Послы отвечали: "Они останутся подданными королевскими, а царскому величеству с имений своих будут давать подати". "От этого будет ссора, - сказал Нащокин, - лучше объявите, сколько этих изгнанников и сколько нужно дать денег, чтоб их удовлетворить?" "Это совершенная правда, - отвечали послы, - если они останутся в прежних маетностях, то без ссоры не обойдется, лучше дать им денег, но сколько именно для этого нужно казны, сказать, нам нельзя, потому что у лучших людей, у Вишневецких, Потоцких, Конецпольского и других сенаторов и шляхты имения были большие, с которых каждому сходило по 100, по 200 и по 300 тысяч дохода; мы полагаемся на милостивое рассуждение царского величества". Нащокин обещал донести об этом государю и потом спросил: "Не наказано ль что-нибудь вам о вечном мире?" "О вечном мире говорить теперь нельзя, - отвечали послы, - как узнал султан турецкий и про перемирье, то сейчас же начал на нас войну готовить и крымскому хану велел войска отправлять; теперь татары с Дорошенком и с отступниками-черкасами разоряют Польшу, побрали в плен больше 100000 человек, и час от часу военный огонь распространяется, а как реки станут, то ждем от турок и татар конечного разорения. Король и Речь Посполитая прислали нас теперь для подтверждения перемирного договора и для заключения союза против бусурман, пока реки не станут, также поскорее решить дело о выгнанной шляхте, а если ее не удовлетворить, то надобно опасаться от нее всякого дурна, потому что голодный от нужды и то делает, чего ему не довелось;

беда, если шляхта затеет смуту, а неприятель вторгнется". *Нащокин*: "Длинные разговоры ведете вы об удовлетворении выгнанной шляхты и о помощи на турок, а о вечном мире говорить не хотите; но царскому величеству из чего удовлетворять шляхту казною? Да и помогать вам против неприятеля не надежно, потому что мир у нас с вами временный, а не вечный". *Послы*: "Если царское величество нам не поможет и турки Польшу одолеют, то и Московскому государству будет от них теснота; в награждении же шляхты мы полагаемся на царское милостивое рассуждение, а не решивши этих двух дел, в другие вступать нельзя".

На следующем съезде, 26 октября, Нащокин сказал, что больших денег для удовлетворения шляхты царь дать не может, потому что и так казне расход большой: много идет денег калмыкам, чтоб они теснили Крымский юрт и не пускали хана на Польшу; кроме того, у государя войска много, на содержание которого идет казна большая. "Объявите подлинно, - спросил боярин, - чем шляхту удовлетворить? Да без больших запросов". Послы отвечали прежнее, что полагаются на милостивое рассуждение царского величества. "Милосердие великого государя в государстве нашем славится, - говорили они, - известно, что всех бедных он милостию своею призывает и жалует, а выгнанная шляхта - братья наши бедны и беспомощны, и, кроме государственной, милости искать им негде. Царскому величеству надобно их пожаловать вместо милостыни: мы знаем, что у государя и на богадельни расходится не меньше того, чем бедную шляхту пожаловать; а Вишневецким и другой знатной шляхте позволил бы государь жить в черкасских городах на путивльской стороне: они люди честные и богатые, могут при себе держать войска немалые, которые будут обоим государствам на оборону". Нет, уж лучше удовлетворить шляхту казною, отвечал на это Нащокин. "Козаки люди самовольные, не только не дадут им владеть маетностями, но и самих побьют, и от того, боже сохрани, чтоб еще большие бунты не начались, и станут козаки прибегать к турецкому султану и крымскому хану". "Правда, - говорили послы, - козаки иссвоевольничались, под прежними своими панями жить не захотят, а надобно, чтоб теперь великие государи по братской дружбе и любви, общими силами, их смирили по-прежнему, как было до войны". После долгих разговоров Нащокин объявил наконец, что государь жалует шляхте 500000 золотых польских, разложив на сроки. Послы отвечали, что этим бедных изгнанников удовлетворить нечем; изволил бы великий государь пожаловать их не скудно, чтоб они, бедные, за его царское величество были вечно богомольцы. "Казна у его царского величества большая, - говорили они, - с одной Украйны, по нашим ведомостям и росписям, можно со всех шляхетских маетностей собрать в год миллионов с двадцать, а по меньшей мере с десять. По государевой милости одному полковнику Константину Греку дан город Лохвица, что было прежде имение Вишневецкого, а он ставит с него по 100 человек козаков; гетману Брюховецкому и многим полковникам даны большие города, с которых можно бы собрать много казны; а наш польский и литовский народ славный и вольный, и если будет ему от царского величества

удовольствование, то будет на свете славно во всех государствах". После этого предисловия послы наконец высказали свое требование, чтоб государь на каждый перемирный год давал шляхте по 3000000. Им отвечали, что это дело нестаточное, запрос такой *неслушный*, что царскому величеству и донести об нем невозможно. Послы спустили до двух миллионов. Нащокин пошел доложить об этом государю и, возвратись, объявил послам, что государь позволил прибавить еще 500000 золотых польских. Послы били челом и приняли это в великую милость.

Статья о шляхте была порешена: оставалась другая, о союзе против турок и Крыма. 28 октября послы снова были в ответе с Ордыным-Нащокиным и говорили: "Чтоб великий государь изволил для опасения от неприятельских безвестных приходов держать на Украине войска свои беспрестанно, и число войск надобно назначить, а королевские войска на Украине будут готовы указное же число, и как придет весть, что крымцы выступают, то громить бы их общими силами; а теперь изволил бы царское величество послать свое войско на Украину поскорее, и чтоб это войско, соединившись с войском королевским, шло на отступников, которые уже поддались султану турецкому и вместе с Ордою воюют королевские украинные места, и, смиря их общими силами, привести в прежнее подданство, чтоб они были в послушании обоих великих государей, а не под бусурманским игом; и наперед бы послать к черкасам грамоты, призывая их к возвращению в подданство и обнадеживая всяким милосердием, да и то им объявить, если они такого милосердия не поищут и из-под ига бусурманского не возвратятся, то на них посланы будут войска с обеих сторон". Нащокин отвечал: "От бусурманского прихода царского величества войска готовы, Белгородский полк стоит всегда; а числа войскам назначить не годится, чтоб неприятель не узнал и больше войска не приготовил, говорить надобно просто, что войска много; калмыки также наготове". *Послы*: "Государь бы изволил поиск учинить нынешнюю зиму, потому что Орда и козаки наше государство воюют, и постановить бы о том договор подлинный с нами". "Царского величества войскам где на Украине стоять и с коронными войсками где сходиться?" - спросил Нащокин. "Это укажет потребность", - отвечали послы. "Если, - продолжал Нащокин, - на Украине война продлится, а царским войскам становища спокойного не будет, то они потерпят нужду большую. Теперь царским войскам становище надежное - Киев, пока он в царской стороне, а как по договору Андрусовскому отойдет в королевскую сторону, то царским войскам надежного становища такого другого не будет, и про это как вы рассуждаете? От королевского величества о Киеве что вам наказано?" Послы поняли, к чему клонится речь боярина, и отвечали: "Без становища царские войска не будут, а о Киеве говорить нам и рассуждать нечего: как об нем в Андрусовских договорах постановлено, так и быть, и отменять Андрусовских договоров ни в чем нельзя, все равно что каменной стены: каменная стена до тех пор и крепка, пока цела, а выньте из нее хотя один кирпич, и станет рушиться". Наконец договорились, что царское величество отправит на помощь королю против татар и непокорных

козаков 5000 конницы и 20000 пехоты, которые должны соединиться с королевскими войсками между Днепром и Днестром, а для отвлечения сил неприятельских калмыки и донские козаки будут воевать Крым. Б вознаграждение изгнанной из Украины шляхте государь дает миллион золотых польских, а московским счетом 200000 рублей, из которых послам при отпуске отсчитано будет 150000 рублей, а остальные 50000 отправлены будут из Смоленска в феврале 1668 года. Так как по случаю союза между обоими государствами против бусурман и отступников-козаков будут частые пересылки, также и для усиления торговли учреждена будет еженедельная почта, начав от королевского местопребывания, чрез все его государство до местечка Кадина, на рубеже воеводства Мстиславского. Почта эта будет возить грамоты, как государские, так и торговые, и сдавать их в порубежном Смоленского воеводства местечке Мигновичах русскому начальнику почты, который пересылает их как можно скорее через Смоленск в Москву, и, наоборот, грамоты, присланные из Москвы, отсылает в Кадин; торговые люди за пересылку своих писем будут платить по обычаю, ведущемуся во всех государствах. Нащокин предложил также послам, чтоб в июне 1668 года был съезд в Курляндии уполномоченным русским, польским и шведским для постановления торгового договора между тремя государствами: "Чтоб торговые люди по всем государствам общим выбираньем пошлин изобижены не были, понеже все народы пожитками торговыми казну полнить извыкли". Послы обязались донести об этом королю и сейму.

4 декабря на отпуске подле государя послы видели недавно объявленного наследника, царевича Алексея Алексеевича, после чего боярин Ордин-Нащокин, царственной большой печати и государственных великих посольских дел оберрегатель, говорил им: "Видели вы пред лицом великого монарха бесценное сокровище, дражайшую светлость, которая незадолго до вашего пришествия ясностию луча московские народы просветила, видели вы благородного государя нашего царевича. Эту превысокую милость можете возвестить королевскому величеству и к желательной любви его подвигнуть. Если, по смерти королевской, государство ваше будет просить себе в короли которого-нибудь из царевичей, то великий государь божией воле противен не будет". Послы отвечали: "Когда будем у себя, то королевскому величеству и всей Речи Посполитой милосердие великого монарха и сына его объявим и так выхвалять и прославлять обещаемся, сколько в нас духа достанет. Приняты мы свыше прежнего обычая Московского государства, жалованьем и кормами обдарены больше прежних послов; посольство выслушано и в ответах было с великою честью, на славу перед посторонними народами; мы уже писали в Польское государство на прославление этой милости; надеемся, что из разных государств об этом скоро отзовутся и служба наша верна будет; объявление же о царевичах хотя и с радостию принимаем, но повеления королевского и Речи Посполитой на этот счет не имеем и потому безответны остаемся". Тут возвысил голос ближний боярин князь Никита Иванович Одоевский, "В прошлые годы в Вильне, - сказал он, - писали мы

статьи об избрании царского величества или сына его в короли: и теперь этому быть можно же". "То посольство не совершилось по праведной воле божией, - отвечали послы, - а теперь лучше и крепче тогдашнего: дал господь бог между обоими государями и государствами святой покой, и в этом покое всякое доброе дело в свое время легко совершиться может". Этим разговор кончился; государь пожаловал послов к руке и велел отпустить.

Так окончилась в Восточной Европе опустошительная тринадцатилетняя война, по важности причин и следствий своих соответствующая Тридцатилетней войне и вообще религиозным борьбам, потрясавшим Среднюю и Западную Европу в XVI и XVII столетиях. Война началась, как мы видели, далеко не вследствие одной извечной вражды между двумя народами, ждавшей первого удобного случая для своего обнаружения, далеко не по тому одному, что Москва не могла успокоиться на Поляновском мире, не могла сжиться с мыслью о потерях, ею понесенных по этому миру. Не за Смоленск и Северскую землю загорелась борьба. Москве так же не хотелось начинать ее, как и Польше. Она началась вследствие малороссийских событий, вследствие религиозной борьбы, разгоревшейся в западных русских областях и давшей такую силу козацким интересам, козацким движениям. Государь, царствовавший на Москве в это время, по господствовавшему направлению своего духа мог именно принять к сердцу тот интерес, во имя которого происходило историческое движение: "Собаке недостойно есть и одного куска хлеба православного; если же оба куска хлеба достанутся собаке вечно есть, - ох, кто может в том ответ сотворить? И какое оправдание примет отдавший святой и живой хлеб собаке? Будет ему воздаянием преисподний ад, прелютый огонь и немилосердые муки". Вот как выражался основной взгляд царя Алексея! Мы не примем на себя странного труда взвешивать и определять, во сколько к религиозному взгляду присоединялись политические расчеты и другие побуждения; но легко видеть, как все эти расчеты и побуждения обхватываются и связываются основным побуждением как в глазах деятелей, так и в массе народной: исход борьбы на Украине в XVII и даже в XVIII веке точно так, как исход Смутного времени в Московском государстве, объясняется тем громадным различием, которое в народном сознании существовало между понятиями: православный русский, лях-латынец, татарин-бусурман, и тот все будет рассуждать о народных интересах, кто обойдет интерес религиозный.

Таким образом, описанная тринадцатилетняя война была необходимым следствием религиозной борьбы, начавшейся в польско-литовских областях в XVI веке. Мы уже указывали на связь этой борьбы с общеевропейским религиозным движением, знаменующим так называемую новую историю: распространение протестантизма в Литве и Польше вызвало католическое противодействие, явились иезуиты, которые, осилив протестантизм, обратились против *русской* веры и тем вызвали к жизни русские народные силы, подняли народный вопрос, выяснили для русского

человека различие его народности от сопоставленной народности польской. Борьба не могла ограничиться одною духовною сферою, ибо притеснение вызывало отпор; возможность материальной борьбы, материального отпора Западная Русь нашла в козачестве, которого борьба с государством Польским, с шляхтою за свои козацкие интересы как раз пришлась ко времени народной русской борьбы. Во время этой материальной борьбы противоположности разыгрались до такой степени, что примирения быть не могло, а между тем материальные силы козачества оказались недостаточными для борьбы и союз татарский не приносящим пользы: тут, естественно, явилась необходимость соединения Малой России с Великою для окончания совокупными силами той борьбы, которая уже давно велась порознь и относительно Москвы окончилась Поляновским миром.

Силен был неожиданный удар, нанесенный Польше Москвою в 1654 году; понятно, что успехам Москвы способствовало нападение шведов на Польшу с другой стороны. Но это нападение, по-видимому грозившее Польше окончательною гибелью, удержало ее на краю пропасти: во-первых, произведя столкновение между Швециею и Москвою, оно остановило напор последней на Польшу; во-вторых, опять чрез поднятие религиозной борьбы, возбудило народные силы, произвело народную войну, которая окончилась изгнанием шведов. Обстоятельства переменились: несмотря на страшное опустошение, истощение страны, Польша нашла в выгоднейших против Москвы условиях для продолжения войны: у нее были два союзника, первый - смута малороссийская, второй - хан крымский. И война длилась, и не видать было возможности окончить ее; Москва слишком много приобрела вначале, и потому ей было тяжело отказаться от всего приобретенного на верхнем Днепре и Двине, невозможно отказаться от всей Малороссии, "отдать оба куса православного хлеба собаке"; на это она могла решиться только при последней крайности, а этой крайности, несмотря на страшное истощение сил, еще не было, ибо Польша, вследствие своего истощения, не могла наносить решительных ударов и пользоваться победами своими. Но с другой стороны, положение ее вовсе не было так отчаянно, чтоб она могла согласиться на московские требования: не только возвратить все приобретенное Сигизмундом и Владиславом, но и уступить половину Украйны, отнять земли у своей шляхты в пользу бунтливых козаков. Таким образом, несмотря на продолжительные съезды уполномоченных, мир был невозможен. Надобно было, чтоб одному из воюющих государств нанесен был откуда бы то ни было новый сильный удар, который бы заставил его согласиться на требование другого; этот удар нанесен был Польше усобицею, поднятою Любомирским, и грозою турецкою, накликаемою Дорошенком. Перемирие состоялось.

Это перемирие с первого взгляда могло назваться очень ненадежным: Киев был уступлен Москве только на два года, а между тем легко было видеть, что Москве он очень дорог, что Москва употребит все усилия оставить его

за собою. Но к удивлению, война не возобновлялась до второй половины XVIII века, и Андрусовское перемирие перешло в вечный мир с сохранением всех своих условий. Напрасно поляки утешали себя мыслию, что на их отчизну во второй половине XVII века послано такое же испытание, какое было послано на Москву в начале века, и что Польша выйдет из него так же счастливо, как и Москва: для Польши с 1654 года начинается продолжительная, почти полуторавековая агония, условленная внутренним ослаблением, распадением; в 1667 году великая борьба между Россией и Польшею оканчивается. С этих пор влияние России на Польшу усиливается постепенно без всякой борьбы, вследствие только постепенного усиления России и равномерного внутреннего ослабления Польши; Андрусовское перемирие было полным успокоением, совершенным *докончанием*, по старинному выражению. Россия покончила с Польшею, успокоилась на ее счет, перестала ее бояться и обратила свое внимание в другую сторону, занялась решением тех вопросов, от которых зависело продолжение ее исторического существования, вопросов о преобразованиях, о приобретении новых средств к продолжению исторической жизни. Таким образом, Андрусовское перемирие служит также одною из граней между древнею и новою Россией.

После Андрусовского перемирия Москва успокоилась со стороны Польши, но не могла успокоиться со стороны Малороссии. В этой стороне, на восток от Днепра, произошел переворот: земельная собственность переменяла своих владельцев; польские паны исчезли, но это не успокоило страны, ибо на их место явились другие - войсковая, козацкая старшина, которая стремилась к господству, стремилась немедленно же выделиться из войсковой массы или в виде шляхты польской под руководством сенатора Выговского, или в виде дворянства московского под руководством боярина Брюховецкого; но это стремление старшины встречало сильное сопротивление в демократическом стремлении козачества, представителем которого было Запорожье. Толкуя о правах и вольностях бедной отчизны Украины, старшина стремилась к господству, имея в виду только собственные выгоды; козачество требовало равенства, с ненавистью смотря на людей, которые, вышедши из его рядов, павлинились в дворянском или шляхетском звании; "мы знаем только гетмана и не хотим знать боярина!" - кричало Запорожье. Города, ненавидя козаков и старшину их, одинаково для них тяжелых, с радостью увидели бы уничтожение гетманского, козацкого *регимента*, лишь бы только оставались за ними их нрава; высшее духовенство, также толкуя о правах и вольностях, ставило себя в ложное положение, из-за этих прав и вольностей отвергая православную Москву и приклоняясь к латинской Польше, - положение, которого большинство народное не могло долго ему позволить. Так раздиралась Малороссия внутренно и этим, разумеется, облегчала работу государства Московского, которое незаметно приготавливало приравнение. Но прежде чем это приравнение последовало, отношения московского правительства в Малороссии были странные, как и следовало ожидать от господствовавшей в Малороссии безурядицы.

Украина давала московскому правительству полное право не уважать того, что она называла своими правами и вольностями, ибо, во-первых, каждый в Малороссии понимал эти права и вольности по-своему; во-вторых, с самого начала стали нарушаться права, уступленные государству, права, которые оно необходимо должно было иметь. Еще в то время, когда сильная рука Богдана Хмельницкого держала Малороссию, было нарушено самим Хмельницким существенное право великого государя, право, без которого соединение Малой России с Великою было немислимо, право, чтоб Малороссия имела одинакую политику с Москвою. Но этого мало: условием присоединения было, чтоб доходы малороссийские собирались на жалованье войску, козакам; но вот в Москве узнают, что доходы собираются вовсе не на жалованье козакам, которые, не получая этого жалованья, охладели к службе; из Малороссии, для которой начата была тяжелая война, доведшая Московское государство до крайнего истощения, из Малороссии беспрестанно приходят требования, чтоб войска царского величества шли на помощь против ляхов, изменников западной стороны, и татар. Московское государство, которое начало войну в надежде действовать против Польши дружно с двух сторон, из двух Росий, должно теперь растягивать свои силы для защиты громадной пограничной линии, тогда как этих сил не доставало и для защиты приобретенного в Белоруссии и Литве. У преемника Богданова, у гетмана славного Войска Запорожского, было ничтожное число козаков, с которыми он не мог ничего предпринять. Разумеется, при таком печальном положении дел прежде всего необходимо было определить доходы малороссийские, ввести сколько-нибудь правильный сбор, определить число козаков, которых надобно было содержать этими доходами. На все это государство имело полное право по статьям Богдана Хмельницкого: но при первой попытке поднимается страшный ропот и волнение; привыкли жить безо всякого надзора, привыкли брать, что кому было угодно, и вмешательство правительства, вытребованное необходимостью, страшным безнарядьем, явилось нестерпимым посягательством на права и вольности! Чьи права и вольности? На этот вопрос не могли отвечать в Малороссии. Вследствие невозможности отвечать на этот вопрос обнаружилось явление, что сами малороссияне начали диктовать московскому правительству, как действовать в пользу приравнения быта малороссийского к быту остальных областей государства. Но этими внушениями не ограничивались в Малороссии: и старшина светская, и старшина духовная твердили московскому правительству, что измена господствует в Малороссии, что козаки шатаются, положиться на них ни в чем нельзя: при первом появлении неприятеля, ляхов, передадутся к ним. С чем обыкновенно приезжало посольство малороссийское в Москву, чем наполнены были грамоты и информации, им привозимые? Обвинениями в измене; вспомним печальную историю междугетманства; вспомним, как гетман и епископ, блюститель Киевской митрополии, вели борьбу друг с другом доносами в Москву, и кто после этого мог пожаловаться, что слово *черкашенин* стало в Москве синонимом изменника? Московский

воевода, московский ратный человек входил в Малороссию как в страну, кипящую изменою, где он не мог положиться ни на кого, где в каждом жителе он видел человека, замышляющего против него недоброе, выжидающего только удобного случая, чтоб вынуть нож из-за пазухи. Каких же дружеских отношений после того можно было ожидать между двумя братственными народонаселениями? Какое уважение мог чувствовать москаль к шатающимся, мятущимся черкасам? Чем он мог сдерживаться, особенно в то время солдатского своеволия и хищничества? Он не сдерживался тем, что находился в родной земле, между своими же русскими людьми: ему толковали и толковали в самой Малороссии, сами малороссияне, что он среди врагов, среди изменников; это, разумеется, вполне могло разнуздывать москаля, он мог легко оправдаться в своих и чужих глазах: что же щадить изменников? Но мы видели, что иное было поведение относительно козаков, иное относительно горожан, более верных.

Общество малороссийское вышло слишком юно на сцену, когда история решала самые важные для него вопросы. Отсутствие внутренней сплоченности, разброд составных начал, жизнь *особе* и вражда между живущими *особе* обуславливали слабость страны, не позволяли ей не только независимого, но и своеобразного политического существования. Отсюда эта шатость, колебание, которые мы видели в продолжение нашего рассказа и которые давали полный простор всякой силе пробиваться сквозь несплоченные ряды. Почти вся вторая половина XVII века представляет смутное время для Малороссии, подобное Смутному времени Московского государства в начале века: та же шатость, та же темнота, отсутствие ясно определенных целей и отношений, дающих твердость человеку и обществу, то же перелетство. Но в Московском государстве печальная эпоха была непродолжительна: кроме того, московские люди шатались между своими искателями власти, выставившими одинаково народное знамя, и как скоро явились чужие искатели, то это появление собрало шатающийся народ, поставило его на твердые ноги и повело к прекращению Смуты. Но несчастная Малороссия шаталась очень долго, шаталась и между поляками, и между турками. Уже не говоря о том, какой материальный ущерб понесла она от этого, как Заднепровье было вконец опустошено и сильно досталось и восточной стороне, не говоря уже о материальном вреде, мы не можем не указать на вредное нравственное влияние, которое должно было испытать народонаселение страны от этой долгой шатости, долгой смуты; не можем не указать, как вредно должны были действовать эти явления на характер народа, расшатывая общество все более и более, ослабляя общественный смысл у народа, отучая его от общественных приемов, отучая его ходить твердо, смотреть прямо в лицо окружающим явлениям, укореняя вредную привычку не верить никому и вместе верить всему и носиться в разные стороны по первому слуху. Общественное развитие было задержано; общество продолжало обнаруживать черты детства. Последующие события XVII и даже XVIII века должны подтвердить правду сказанного.

Андрусовское перемирие не могло прекратить смуты в Малороссии. Но прежде, нежели приступим к рассказу о дальнейших событиях здесь, обратимся к Московскому государству, в котором происходили любопытные и печальные события в продолжение тринадцатилетней войны: московский мятеж вследствие тяжкого состояния народа, раскол, падение Никона; взглянем и на борьбу Московского государства с козачеством юго-восточной украины.